

ВИКТОРИЯ
ИСАЕВА
КНОПКА
ВЛАСТИ

SEX.АДДІСТ.
#ПРИЗНАННЯ МАНІПУЛЯТОРА

ЖИЗНЬ НА MAXIMUM

18+

ПРАЙМ
↑



Жизнь на MAXIMUM

Виктория Исаева

**Кнопка Власти. Sex. Addict.
#Признания манипулятора**

«АСТ»

2017

УДК 159.9
ББК 88.53

Исаева В. С.

Кнопка Власти. Sex. Addict. #Признания манипулятора /
В. С. Исаева — «АСТ», 2017 — (Жизнь на MAXIMUM)

История блестящего психологического мошенничества! Самые действенные и простые методы достижения целей, для успешного использования которых не обязательно быть магистром психологии! Что обычно делают влюбленные, решившие связать свою жизнь и свить семейное гнездышко в Москве? Правильно! Устраиваются на работу (а лучше на несколько) и начинают мучительно копить деньги на покупку ВСЕГО. А что если нет времени и желания играть по правилам? Что если у вас сводит скулы при мысли о «нормальной жизни»? Что если вы открыли другой путь к благополучию и финансовой обеспеченности? Что если вы обладаете талантом, способным быстро обеспечить вам безбедное существование и яркую жизнь? И пока сотни людей прилежно изучают психологию, чтобы бороться с собственными комплексами, парочка аферистов решают использовать последние достижения психологии как оружие в гонке на выживание. Это непридуманная история двух профессиональных манипуляторов, которые не постеснялись использовать собственные таланты и познания для обогащения.

УДК 159.9
ББК 88.53

© Исаева В. С., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Вступление	7
Глава 1	21
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виктория Исаева

Кнопка Власти. Sex. Addict.

#Признания манипулятора

© Исаева В., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Вступление

*Все мы хотим, чтоб нас любили,
А если нет, то восхищались нами,
А если нет, то ужасались,
А если нет, то ненавидели и презирали нас.
Мы стараемся разбудить чувства в душе
ближнего –
Неважно какие.
Душа содрогается перед пустотой...*

Хьяльмара Зодерберг

Краткая справка:

Addict – (пер. с англ.) – «приверженный к чему-либо, склонный, зависимый».

Addict – это медицинский термин «аддикция» – т. е. «зависимость».

Для меня вся эта невероятная история началась в туалете! *Кстати, вы вообще замечали, сколько стоящих историй начинается именно в туалетах?*

Я вязалась в расследование совершенно случайно. Это была обычная теплая летняя ночь. Я торчала в шикарном туалете ночного клуба «К», благоухала парфюмом «Ange ou demon» от Givenchy и злилась.

Мне хотелось оказаться на природе: лакомиться шашлыками, попивать красное вино, валяться на траве, смотреть на звезды, вдыхать полной грудью запахи сосен, может быть, искупаться голышом в прохладной иссиня-черной реке. Вместо этого я была вынуждена томиться от скуки в прокуренном столичном ночном клубе, где в этот вечер проходила презентация по моему сценарию.

Обычно такие тусовки подстегивают мое вдохновение, и я, покрутившись немного среди моделей, спонсоров, папиков, прожигателей жизни, лузеров и прочих фриков, удаляюсь в туалет (который в любом московском клубе просто великолепен!) и там, в тишине и покое, принимаюсь сочинять пламенно-циничные эссе на тему гламурной поверхностности современного российского общества. Но в этот раз вдохновение отчего-то не настигло меня в туалете!

Нервно расхаживая перед большим зеркалом, я придирчиво рассматривала свой новоизобретенный (а вернее, тщательно срисованный из новогоднего номера Vogue) серебристо-розовый make up, взбивала черные наращенные локоны, опускающиеся почти до бедер. И гадала, можно ли меня со стороны принять за горячую московскую цыпу? И если да, то насколько это лестно для девушки с высшим образованием? Долго ли мне еще осталось быть собой? Или я уже превратилась в героиню модного глянцевого романа с глянцевыми мозгами и глянцевой системой ценностей?

Когда ты пожила какое-то время в Москве, слегка преуспела и более-менее обустроилась, обязательно наступает час «Х». И все, что некогда казалось тебе таким захватывающим в жизни мегаполиса, превращается в нестерпимую тоску зеленую. Светские разговоры становятся занудными и заурадными. Все сплетни, что тебе рассказывают, кажутся скучными и банальными. И происходящее вокруг волнует тебя так же мало, как жизнь на Марсе или глобальное потепление.

Стоя перед зеркалом и нанося десятый слой блеска на измученные косметикой губы, я поймала себя на мысли, что вот уже несколько месяцев у меня нет ни малейшего желания включить ноутбук и написать о чем-то. Потому что ничто уже не кажется мне увлекательным и захватывающим...

В туалет влетела Снежана, высоченная манекенщица с мелко вьющимися волосами цвета жженого сахара и ногами, тонкими, как коктейльные соломинки. Приветственно взвизгнув в мой адрес, Снежанка обозначила пару ритуальных поцелуев в сантиметре от моих щек:

– Вика! Читала твою книгу! – объявила она. – Это супер! Так гламурненько, модненько, стильненько.

Я смущенно улыбнулась, не зная, как реагировать. С одной стороны, было очень приятно, что мое творчество подвигло взять в руки книгу даже те слои населения, которые обычно ограничиваются пролистыванием «веселых картинок» светской хроники в глянце-вых журналах. С другой стороны, меня уже порядком воротило от гламура и не улыбалось быть частью этой «культуры».

– Пишешь что-то новенькое? – оживленно поинтересовалась она, наклоняясь к зеркалу и нанося на губы новый слой нежно-розового блеска Lancome.

– Собираю материал, – уклончиво ответила я, ибо в тот момент у меня, честно говоря, не было даже мутного видения того, какой должна быть следующая книга.

– О, понимаю! Кстати, говорят, что для новой книги ты собираешься переспать с несколькими знаменитостями, а потом описать свои сексуальные похождения.

Я чуть не подавилась собственным возмущением. Откуда только берутся такие слухи?

– Тебя дезинформировали, я храню верность своему мужчине, – отрезала я, доставая пудреницу и нервно покрывая порозовевшие щеки слоем цвета загара от Givenchy.

– Жаль, – вздохнула Снежана и убрала блеск в сумочку. – Звездный секс это так пикантно. Обожаю чужое грязное белье, но только если оно гламурное... Мне всегда хотелось знать, как это делает Тимати... он... наверное... ну просто зверь... Я думала, может, ты разузнаешь, а потом напишешь об этом...

К концу ее монолога я уже готова была повеситься на своих собственных атласных трусиках.

– На самом деле я пишу о проблемах фармакологических и субстанциональных аддикций, – ляпнула я с самым серьезным видом, надеясь, что это порядком собьет ее с толку. Я действительно должна была написать небольшую, тысяч на пять знаков, заметку о зависимостях, в частности, о модном нынче недуге шопоголизме, страдать которым в этом сезоне куда более престижно, чем пресловутой анорексией. Я просмотрела несколько источников о зависимостях и теперь смело могла щеголять терминами вроде «аддикция» и «аддиктивный компонент».

Снежана удивленно захлопала ресницами и уставилась на меня так, словно это я изобрела солярий, выпрямитель для волос и лифчик, увеличивающий грудь.

– Как ты сказала?! Аддикция? – без запинки повторила она и, понизив голос, спросила: – Так значит, ты тоже знаешь про addict?

Теперь уже я смотрела на нее, как дикарь на шамана.

– В каком смысле? Какой еще addict? Dior Addict? Ты о чем?

– Об этом все говорят. Неужели не слышала? Новая городская история про какую-то девчонку – аферистку, которая придумала, как управлять людьми...

– В смысле управлять? – переспросила я.

– Ну вот так... она может заставить их делать все, что угодно. Например, изменяет тебе парень, а она может сделать так, чтобы он стал самым верным мужчиной в мире. Или,

например, она знакомится с олигархом, что-то делает с ним, и он – бац – и слетает с катушек, отдает ей свои деньги, переписывает на нее имущество.

Я скептически ухмыльнулась: мы все знаем, что надо сделать и как воздействовать на мужчин, чтобы он переписал на нас свое имущество. В конце концов, разводить сильный пол на деньги сейчас уже, по-моему, даже в школах учат.

Словно прочитав мои мысли, Снежана возбужденно прошептала:

– А главное, она с ними даже не спала! Понимаешь, просто что-то такое делала, и они все ей давали, ничего не прося взамен... Ходят слухи, что она умеет подсаживать людей на себя, как на наркотик: они впадают в зависимость и ничего не могут с собой поделать.

Мой скептицизм начинал уступать место любопытству:

– То есть ты хочешь сказать, что она – профессиональная манипуляторша?

– Вроде того, – авторитетно заявила Снежана.

– Должно быть, это просто городской миф, – предположила я. – Кто-то нанюхался и сочинил историю для запугивания олигархов, мол, бойтесь, среди вас настоящая авантюристка, профессиональная хищница и все такое.

Снежана укоризненно посмотрела на меня:

– Какой же это миф, если известны имена жертв? От ее фокусов пострадала куча народу: Павел, хоккеист из НХЛ, Анатолий Афанасьев – пивной магнат, Юра Орлов – певец, куча «рублевских детишек». Наконец, Марго М. – модная писательница...

– Марго?! – переспросила я в изумлении. Все перечисленные имена были для меня слишком звездными, со страниц светской хроники. А Марго – совсем другое дело. Она печаталась в том же издательстве, что и я. И хотя была суперзвездой женской глянцевого прозы, а я начинающей амбициозной акулой пера, мы были знакомы и несколько раз пересекались. Через Марго я, пожалуй, смогла бы выяснить подлинность этой истории. И если все это на самом деле правда...

На мгновение у меня голова закружилась от мысли, какой это может получиться репортаж: идеальное сочетание острого и сладкого!

– Ты сказала, что Марго стала жертвой этой авантюристки... Что же, она и с женщинами тоже? – спросила я.

– Да нет... – Снежана загадочно сощурилась. – Говорят, у нее был напарник... – и выжидающе покосившись на меня, она возбужденно спросила: – Так что, ты об ЭТОМ пишешь?

Я решительно захлопнула пудреницу и откинула волосы со лба:

– Конечно, пишу!

* * *

Меня многое воодушевляет. Неформально-дружественное письмо от редактора, новый комплект эротичного белья в мою коллекцию, известие о том, что Анджелина Джоли развелась с Брэдом Питтом, огромная чашка имбирного чая, майские праздники, надпись «распродажа» на стеклах магазинов, мужчины, смеющиеся над моими шутками, тихое урчание работающего ноутбука.

Но больше всего меня воодушевляет чистый лист бумаги или пустой документ Microsoft Word. И когда мне в голову приходит тема для новой статьи, я начинаю вести себя как одержимая. А уж если мне удастся напасть на след, я и вовсе слетаю с катушек.

Порой для того, чтобы получить необходимую мне информацию я способна на самые разнообразные безумства, например:

• продемонстрировать чудеса дипломатии («Слушай, ну будь человеком, дай интервью! Чего тебе стоит, в самом деле?»);

- пустить в ход кулаки;
- прикинуться идиоткой (очень эффективно, особенно с мужчинами!);
- грубо льстить, человеку, который с трудом этого заслуживает («Я обращаюсь к вам как к эксперту, я сама не слишком разбираюсь в ядерной физике...» или «Мне нужно интервью кого-то очень высокопоставленного, супер-вип-випыча. Уверена, вы сможете мне помочь!»);
- пустить слезу (к счастью, я еще сохранила эту в высшей степени полезную способность);
- позвонить человеку, которого терпеть не могу!

В эту среду я проснулась поздно и долго валялась в кровати, обдумывая, нет ли какого-то более приятного способа добыть нужные факты.

Но, похоже, других лазеек не было, и я, собравшись с силами и напялив на лицо самую приторно-сладкую улыбку, на которую только была способна, позвонила Марго.

Марго – классически загорелая, ухоженная и модная москвичка. Ей было 28, но, в отличие от подавляющего большинства женщин, она предпочитала округлять возраст в большую сторону. Ей нравился образ взрослой, зрелой, мудрой женщины, не воспринимающей неспелых двадцатилеток, вроде меня, как достойных соперниц.

Марго в какой-то мере была моей коллегой, она считалась писательницей. И, несмотря на разницу в возрасте, социальном статусе и гонорарах, мы пересекались довольно часто. Москва – тесный город, а пишущая Москва – и вовсе крошечная деревня, где все публикуется в одних и тех же издательских домах.

Выглядела Марго как пятипроцентный раствор Дженифер Лопес: с широкими бедрами, выразительной попой и маленькой аккуратной грудью. Она вела образ жизни образцовой гламурной творческой личности, то есть вставала не раньше полудня, пила эспрессо (несмотря на то что каждый раз с большим трудом сдерживала недовольную гримасу, глотая мерзкий богемный напиток). Позиционировала себя как СКГП (Самая Красивая Гламурная Писательница) в столице, страстно желавшая, чтобы ее считали круче и сексуальнее, чем Керри Брэдшоу (да и кто из нас, писак, в глубине души этого не хочет?). Для меня, молодого, голодного до денег и славы провинциального дарования, Марго олицетворяла все то, что я так ненавижу!

Подозреваю, что мои чувства были полностью взаимны. Наверняка Марго считала меня провинциальной дешевкой в джинсах от Dolce & Gabbana, купленных в ближайшем переходе метро.

Естественно, мне, молодому, нагловатому, пробивному журналисту, было весьма нелегко общаться с признанной королевой, не знавшей в этой жизни никаких трудностей. И все же хороший материал стоит того, чтобы примириться с недругами или по крайней мере забыть о неприязни на какое-то время. Подбадривая себя мыслями о большой и острой статье, а еще о большом сладком гонораре, который с нее можно отгрести, я решительно набрала номер. Пришлось выждать примерно десять гудков, после чего трубку все-таки подняли:

– Аллллоооо, – сонно и томно отозвалась Марго. По ее голосу я точнее, чем гаишник по трубочке, могла определить, что минувшая ночь была проведена не за писательским столом, а в пафосном ночном заведении, причем, судя по всему, одним коктейлем дело не обошлось. Вот она – вопиющая разница между начинающими и маститыми журналистами: и те и другие не высыпаются, но первые из-за работы, а вторые из-за тусовок, не прекращающихся даже в будни.

– Марго, привет, это Вика Исаева. Надеюсь, я тебя не разбудила?

– Разбудила. Блин, который час?

– Половина второго.

– Черт! – Она замолчала, наверно, пыталась продрать глаза. – Дорогая, ты, наверно, в шоке, что я сплю в такое время, но знаешь, я всю ночь не сомкнула глаз, я в таком дауне...

– Что, вечеринка не задалась? – не удержалась я, думая, из-за чего вообще такие, как Марго, могут «быть в дауне». У этой стервы все есть! Она может вообще больше никогда не поднимать холеную задницу со своей шикарной постели, все равно ее книги будут печататься и продаваться.

– Ну, скажешь тоже, – фыркнула Марго. – Я всю ночь дома сидела одна. Никого не хотела видеть, я же говорю, у меня депрессия. Мне так хреново, что я даже писать не могу. А это уже крайняя степень отчаяния, ты меня понимаешь?

Как ни странно, я понимала. Когда тебе просто хреново, ты садишься за ноутбук, опи-сываешь ситуацию, и под редакторской правкой твоей фантазии она превращается в комедию. Но когда тебе суперхреново, ты не в состоянии написать ни строчки, отчаяние как бы парализует твой опорно-писательский аппарат и ты перестаешь владеть словами. У меня пару раз случалось такое. Это очень страшно: потерять силу слова – все равно, что онеметь.

– Что-то случилось? – осторожно поинтересовалась я. Все-таки мы с Марго были не настолько близко знакомы, чтобы изливать друг другу душу, но если ты настоящий журналист, от одного звука твоего голоса у людей должно появиться желание исповедаться...

На другом конце трубки нерешительно помолчали, затем всхлипнули.

– Последние новости слышала? Ну всю эту тему про звезд, олигархов и зависимости... Ты знаешь, что такое addict? – спросила Марго.

Я затаила дыхание. «Конечно, слышала, – подумала я про себя. – А зачем, ты думаешь, я тебе позвонила?» А вслух сказала:

– Только в общих чертах. Ты же знаешь, я не верю в сплетни. Конечно, вся Москва сейчас обсуждает каких-то двух загадочных аферистов, которые якобы развели на деньги кучу вивов. И которых теперь боятся больше, чем мирового финансового кризиса. С другой стороны, вполне возможно, что это просто сплетни. PR и все такое.

Марго опять всхлипнула, щелкнула зажигалкой и шумно затынулась:

– Это не сплетни и не PR. Это все правда. Потому что я сама была знакома с одним из этих аферистов... мы с ним... он меня... – и тут Марго разрыдалась. Я так удивилась, что чуть не выронила трубку. То есть я всегда знала, что Марго любит театральные жесты, но ее рыдания показались мне вполне искренними.

– Ты хочешь сказать, что стала одной из их жертв? – спросила я осторожно.

– Да... нет... не совсем... – Марго продолжала плакать. – Я не знаю. Ты можешь сейчас ко мне приехать? – спросила она. – Мне надо с кем-то поделиться...

От такой несказанной удачи я чуть в ладоши не захлопала. Марго, детка, могу ли я? Ты, должно быть, шутишь! Я быстро записала адрес, покидала в сумку кучу ручек, полуисписанных блокнотов, диктофон. Наскоро привела себя в порядок и поехала.

Марго жила за городом, недалеко от Красногорска. Не удивительно, что я считала ее маргиналкой. Потому что какой нормальный человек поселится там, куда не ходит метро? Тем не менее я завела свою горячо любимую синюю «ниву» и отправилась на поиски сенсации.

Когда я наконец доехала, Марго уже ждала меня на лужайке около своего огромного дома. Несмотря на жару, она возлежала в шезлонге, облаченная в супернавороченный светло-розовый спортивный костюм, стоимость которого, вполне возможно, превышала стоимость моей машины.

– Привет, дорогая, – поздоровалась она и, к счастью, не полезла ко мне с ритуально-фальшивыми поцелуями. – Отлично выглядишь! – Потянула она с элегантным налетом вежливой фальшивости и покосилась на мои выцветшие бледно-голубые джинсовые шорты, которые я купила лет сто назад на распродаже. Я не вполне поняла, была ли это колкость или просто неискренний комплимент, а потому на всякий случай не стала огрызаться.

Марго неприязненно оглядела мой загорелый голый живот и тут же попыталась подобрать свой. Так вот почему она так разоделась в такую жару! Прячет мнимые недостатки фигуры!

Вообще-то, Марго обладает обыденной внешностью, но считается красивой. Заурядность ее правильных неинтересных черт восполняет высококачественный тюнинг. Я всегда догадывалась, что внутренний мир писательницы так же пуст и пресен, как и все низкокалорийные салатки, поглощаемые ею, чтобы сбросить вес на бедрах. (Бедняжка, должно быть, не подозревает или отказывается верить, что именно ее аппетитная, в духе Джей Ло, попа является тем самым медом, на который мужчины слетаются, словно пчелы. Пожалуй, ее бедра – это единственное, чему я искренне завидую... Кроме ее тиражей, разумеется.)

– Вообще-то, выглядишь ты очень хорошо, – осторожно заметила я. – Трудно поверить, что у тебя депрессия.

– И все же это так, – Марго прикурила длинную тонкую сигарету Vogue и посмотрела на меня: – Думаю, я стала жертвой афериста. Честно говоря, не знаю, как так получилось... он ухаживал за мной: безумная страсть, сумасшедший роман, фантастический секс и все такое... а потом... не знаю, что произошло... не могу жить без него... не могу писать, тусоваться, отдыхать, работать, думать о будущем... живу только воспоминаниями о нем...

Я молча пожала плечами. Пока эта история выглядела банальной до неприличия. Может, я зря тащила в такую даль?

Марго внимательно посмотрела на меня из-под солнцезащитных очков от Versace:

– Думаешь, это один из тех пресловутых случаев невзаимной любви? Не сошлись характерами и все такое... с кем не бывает...

Я нерешительно присела на край шезлонга:

– Ну, вообще-то, похоже на то... в том смысле... ты влюбилась, а тебя бросили... Такое часто бывает. Это же еще не значит, что тебя на что-то развели.

– Но меня развели! – заорала вдруг Марго, да так, что я вздрогнула. – Ты что, не слышишь, что я тебе говорю?! Не могу писать! Вообще! Ни одной голимой строчки! Ни одной! Без него! Не могу написать! НИ ХРЕНА!

Ее медовая гладкая кожа от ярости покрылась розовыми пятнами. Я нервно кусала губы, лихорадочно соображая, как бы ее успокоить:

– Ну, знаешь, иногда творческий кризис... – начала было я, но она тут же завизжала вновь:

– Да какой на хрен творческий кризис?! Это длится уже несколько месяцев! И это он мне сделал! ЭТО ОН МНЕ СДЕЛАЛ! Он сделал так, чтобы я была от него зависимой! Чтобы не могла ничего написать! Без него!

Она яростно схватила со столика шейкер и стакан. Я испугалась, что она сейчас запустит ими в меня, но вместо этого Марго просто раскрутила колпачок и попросила налить ей полный стакан, так как руки у нее ходили ходуном. Я со скоростью опытного медработника наполнила стакан каким-то синим коктейлем, немного расплескав, протянула ей, как успокоительное особо опасному психу. Она осушила стакан в несколько глотков. Всхлипнула. Потянулась за сигаретой. Долго не могла ее прикурить.

– Марго, с чего ты взяла, что он...

– Специально что-то со мной сделал?

– Да...

– Он мне сам об этом сказал, – она затаилась.

Я поспешила вновь наполнить ее стакан синим коктейлем. Марго благодарно кивнула и мелкими глоточками начала потягивать спиртное, постепенно приходя в себя: – Мы расстались, вернее, он меня бросил несколько месяцев назад. Сначала я думала, что не могу писать из-за депрессии. Но на прошлой неделе он мне сам позвонил. Просил прощения. Сказал, что я не могу писать из-за него. Что это он внушил мне, будто бы мое вдохновение зависит от него. Что сделал меня зависимой...

– Значит, он может от нее избавиться? – предположила я.

– Нет, это может сделать только его девушка... Они работали вместе: он подсаживал людей, она исцеляла, и оба отгребали за это кучу денег... пол-Москвы развели...

Марго поправила съехавшие очки и пригладила растрепанные волосы. Я взволнованно теребила кольцо на пальце: выходит, я все-таки не напрасно сюда ехала...

– Если кто-то из моих знакомых или издателей об этом узнает... моей репутации конец, моей карьере конец... мне конец, – всхлипывала Марго, растирая тушь под опухшими глазами.

Я не жестокий человек. Но иногда жизнь просто не оставляет другого выбора...

– Никто не узнает, – заверила я ее и медленно улыбнулась, – если дашь мне его телефон...

* * *

Так я вышла на первого героя этой истории. Со Стасом я познакомилась спустя три часа после разговора с Марго. И многое стало понятно...

Я не падкая на мужскую красоту. И никогда не кручу шуры-муры с героями/жертвами своих статей. Считаю, это негуманно. Ведь в этом случае получается, что всю полученную информацию ты использовала против них. Подъехав на набережную в районе Марьино, я вылезла из машины и, едва увидев героя своей статьи, испытала сильнейшее желание сделать его героем еще чего-нибудь... например своего романа. Или на худой конец сегодняшней ночи...

Первое, что бросилось мне в глаза: его губы, сексуальные, насмешливые, а под нижней маленький едва заметный шрамик... Плохо дело! Приличная разумная девушка бы обратила внимание на глаза (все-таки зеркало души!), одежду (как-никак показатель образа жизни) или уж хотя бы на серебристый Mercedes SLK, из которого он вылез (яркое свидетельство социального статуса).

Стас оказался ярко выраженным мужчиной с плечами впечатляющей ширины, совершенной осанкой и округлыми ягодицами. Светло-серые глаза в сочетании с угольно-черными ресницами и бровями. Являясь счастливым обладателем совершенно неотразимой внешности, он держался так, словно, мысль о собственной красоте и сексуальности его сильно забавляла.

Он изумил меня тем, что, едва подъехав ко входу в парк, сразу припарковался рядом с моей машиной (в сравнении с моей «нивой» SLK выглядел, как летающая тарелка рядом с телегой). Стас сразу подошел ко мне и, уверенно улыбнувшись, поздоровался.

– Как ты узнал, что это я? – спросила я, с ужасом отмечая, что флиртую.

– Догадался, – ответил он. – Садись в мою машину.

Я с удовольствием перебралась в роскошный спортивный мерс. В салоне опьяняюще пахло новыми кожаными чехлами и каким-то пряным парфюмом.

– Итак, чем могу помочь? – спросил он, с интересом разглядывая меня.

Я молчала, борясь с желанием сказать, чем НА САМОМ ДЕЛЕ такие мужчины, как он, могут помочь страждущим женщинам этой планеты.

Забавно, что Стас не производил впечатления красавчика-мачо. От него и не пахло метросексуализмом!

Смуглые щеки покрывала колючая щетина, темно-русые волосы были острижены коротко и негламурно. Ни намек на укладочные средства. Какая редкость! Я уже год не видела в столице парня с не уложенными гелем или пенкой волосами. Выглядит это всегда классно, но трогать не хочется.

Стас был одет в свободную мешковатую одежду, а-ля «Джонни Депп выписывается из нарколечебницы», которая тем не менее не скрывала его потрясающее тело. Я прекрасно понимала Марго. Он был неотразим. Разве есть что-то более притягательное, чем красавчик, отказывающийся признать свою сексуальную привлекательность?

– Говорят, ты очень необычный человек, – начала я туманно.

– Да ну? – Он усмехнулся и полез в бардачок за сигаретами. – И кто это говорит?

Рядом с пачкой дешевых сигарет в бардачке мой зоркий глаз отметил фото молодой девушки с длинными белоснежными волосами. Стас закурил:

– Вкус сигарет различает только два процента людей. Мне повезло. Я ни хрена не различаю, так зачем переплачивать?

– Говорят, ты профессиональный манипулятор, – продолжала настаивать я, изо всех сил стараясь не пасть жертвой его сексапильности и не забыть, зачем я сюда приехала.

– А ты не верь, – посоветовал он, простодушно улыбаясь.

– Трудно не верить, когда есть конкретные факты, – не отступала я, хотя никаких особых фактов у меня, в сущности, и не было, кроме, разумеется, утренних стенаний пьяной Марго.

– А тебе все это зачем? – спросил он холодно.

– Хочу научиться, – с вызовом ответила я, придвигаясь к нему ближе. – Я знаю, что ты можешь управлять людьми. Я знаю, что ты можешь делать их зависимыми от тебя. Я хочу знать, как ты это делаешь... Я хочу научиться профессионально манипулировать кем угодно, – сказала я, хотя раньше об этом даже не думала.

Сначала я собиралась всего лишь написать перченую статью об олигархах, звездах, власти, зависимостях, жестоких играх и тонких манипуляциях. Теперь я внезапно задумалась, а что если бы я сама смогла бы стать участницей этой игры? Что если бы я научилась добиваться чего угодно от кого угодно? Что если бы я обрела неограниченную власть над людьми и событиями?

– Расскажи, как ты это делаешь, – попросила я почему-то очень тихо, почти шепотом. Он долго молча смотрел на меня. Открыл окно. Выбросил недокуренную сигарету.

– Я не тот, кто тебе нужен. Я сам всего лишь любитель.

Достав из бардачка листок бумаги и ручку, он быстро нацарапал на нем номер телефона и адрес:

– Она может тебе помочь... Позвони ей. Только не говори, что от меня. И не говори ей номер моего телефона. Ее зовут Даша. Если она не возьмет трубку, езжай по этому адресу, она, скорее всего, будет дома.

– Спасибо, – сказала я, пряча лист бумаги в сумку и нехотя вылезая из машины.

Когда я уже отошла на несколько метров, он окликнул меня. Я обернулась.

– На твоём месте я бы выбросил этот листок куда подальше и постарался вообще забыть обо всей этой истории, пока не поздно! – крикнул он мне вслед.

Я молча кивнула... Было уже слишком поздно.

* * *

Развязка близка... Я хорошая актриса и хороший психолог. Но когда оказываюсь настолько близко к цели, иногда выдержка меня подводит. На часах девять вечера. Я весь день моталась по Москве, но вместо усталости чувствовала лишь лихорадочное возбуждение. Главное – ничего теперь не испортить! С огромным трудом я держала себя в руках из последних сил, демонстрируя самообладание, запасы которого стремительно иссякали.

– Почему бы вам не рассказать мне обо всем по порядку? – спросила я, маскируя свое нетерпение неубедительной улыбкой.

Она холодно смотрела на меня и невозмутимо молчала. Это была та самая белокурая девушка с фотографии у Стаса в бардачке. Я старалась отвечать ей таким же безразличием, но она, разумеется, понимала, что к чему.

– О чем это вы? – лениво спросила она, едва устаивая меня взглядом.

Я в который раз отметила про себя, что, в отличие от своего бывшего партнера по аферам (и, скорее всего, по сексу) Стаса, она была далеко не красавица.

Миниатюрная, как фарфоровая статуэтка; ее рост, должно быть, льстил даже самым низким и хилым мужчинам. Она грациозна. Змеиная пластика ее гибкого белокожего тела прямо-таки гипнотизировала взгляд. Лицо – нахальный вызов всем классическим канонам – скорее притягательно, чем красиво. Взгляд вроде бы безразличный, и все же в нем угадывалось что-то похожее на жестокость. Наверно, настоящая хищница никогда в открытую не назовет себя хищницей и стервой. Она будет до последнего скрываться под маской «самой обычной девушки».

– Послушай, я перевернула пол-Москвы, чтобы найти тебя! – заявила я спокойно, но непреклонно. – Ни ты, ни я отсюда никуда не уедем, пока я не получу ответы на все интересующие меня вопросы!

Конечно, обычно я так себя не веду. Но здесь случай особый...

Даша смотрела на меня в упор. Такого холодного и пронзительного взгляда я еще не встречала... разве что в кино... В Голливуде уже научились рисовать такие глаза, под напором которых невольно пасуешь.

– Может, вы уберете с дороги свою машину и дадите мне проехать? – спросила она вроде бы спокойно и безразлично, но мне все равно стало не по себе от ее голоса.

Я неприязненно посмотрела на ее красивый спортивный мерс, такой же, как у Стаса, только черный. Затем перевела взгляд на обманчиво-простую, безупречно сидящую одежду, дизайнерские очки, придерживающие ее длинные платиново-белые волосы, на поблескивавший на белоснежной шее кулон в форме звезды, выполненный то ли из бриллиантов, то ли из стразов Swarovsky – хрен его знает, я никогда их особо не различала. Что и говорить, девочка неплохо о себе позаботилась. А что если я смогу так же?

– Пожалуйста, уберите свою машину с дороги, мне правда нечего вам сказать, – повторила она.

Я лишь злорадно улыбнусь в ответ. Моя «нива» была ловко припаркована у подъезда таким образом, что полностью загораживала выезд. Конечно, будь у нее другая машина, она сдала бы задом и выехала через двор. Но только не на спортивном Mercedes! Он такой низкий, что при малейшей попытке бегства его подвеска убилась бы на веки вечные. Да здравствует антигламур и русские машины! В битве между SLK и ВАЗом последнее слово за ВАЗом!

– Поймите, Даша, ваша история может стать настоящей сенсацией. У вас все шансы проснуться знаменитой, – произнесла я со слабой надеждой разбудить в ней тщеславие.

Она надела очки от Gucci, закрывающие половину ее лица, и, устало вздохнув, села в машину.

– Если так пойдет и дальше, у меня все шансы не проснуться вообще, – саркастически парировала она. – Я не гонюсь за дешевой популярностью. PR мне не нужен. И я не вижу смысла продолжать этот разговор.

– Да брось, что тебе стоит! – не сдавалась я и перешла на «ты», стараясь говорить так, словно вопрос об интервью был уже давно решен в мою пользу, а ее нынешние колебания – просто капризы, которые я не собираюсь брать в расчет. – Поговори со мной. Разве тебе никогда не хотелось исповедаться? – Я попыталась зайти с другой стороны.

– Ну уж точно не в режиме пресс-конференции, – усмехнулась девушка. – С каких это пор СМИ начали отпускать социальные грехи?

Я потихоньку начинала терять терпение:

– Послушай, не будь сукой! Мне нужен этот материал! Я все равно получу его! – Усилив воли я снова сменила тон на более мягкий и дружеский. – Я должна знать, правда ли это и если да, то КАК ты все это делала? КАК?!

Она откинулась на спинку водительского сидения, включила музыку, и, барабанив пальцами по рулю, издевательски молчала. Я решила пойти с козырной карты:

– Итак, модная писательница Марго М. ... Насколько я понимаю, она стала одной из ваших жертв. Ты тоже участвовала в ее обработке? Или Стас проворачивал это дело без тебя?

Я замолчала и с удовольствием наслаждалась происходящими с ней изменениями. Она напрягается, замирает на мгновение. Все безразличие безвозвратно покидает ее лицо. Снимает очки и пристально смотрит на меня:

– Стас? Ты знаешь Стаса? Откуда тебе известно о Стасе? – Ее низкий глубокий голос вдруг стал хриплым шепотом. – Об этом никто не знает. Как, черт побери, ты узнала обо всем? Кто тебе сказал?!

Теперь настала моя очередь изводить ее молчанием. С огромным облегчением я поняла, что попала в десятку, наблюдая, как ее покидает хладнокровие и выдержка. Она вдруг резко выскочила из машины и наклонилась к открытому окну моей «нивы».

– Где он? – спросила Даша, испепеляя меня взглядом. – Говори! Где он? Я должна знать! Эти факты ты могла узнать только от него! Я хочу знать, где Стас?!

Она стояла неподвижно, однако нота крайнего отчаяния в ее голосе подсказывала мне, что еще секунда и она набросится на меня. Красиво улыбаясь, я достала из своей огромной, до отказа набитой всякой всячиной сумки сложенный пополам тетрадный лист.

– Вот его номер. Получишь сразу после того, как ответишь на все мои вопросы.

Она молчала. Впрочем, я не сомневалась, что победила. Она примет мои условия. Другого выхода у нее нет.

– Чего ты хочешь? – спросила она.

– Того же, что и все, – философски ответила я. – Денег, славы, Ferrari, дом в Малибу, многомиллионных тиражей. Место под солнцем. А если серьезно, мне нужна твоя полная история и, конечно, бонус: я хочу знать, как ты все это делала. Как ты вводила людей в зависимость от себя, а потом освобождала.

Она, нетерпеливо передернув плечами, перебила меня:

– Этого не объяснишь в двух словах! Это не так просто. Люди осваивают эти техники годами!

– Так, значит, такие техники действительно существуют? – уточнила я, завороченно покусывая колпачок от шариковой ручки. – И ты действительно можешь заставить одного человека впасть в зависимость от другого? Я хочу сказать, выходит, что человек может подсесть на тебя, как на алкоголь, героин или сигареты?

Она невесело усмехнулась и кивнула:

– Конечно... Зависимость – чума двадцать первого века. Сегодня от зависимостей гибнет больше людей, чем от войн и терактов вместе взятых. Зависимость – любимое хобби жителей мегаполиса. Сегодня люди с радостью добровольно подсаживаются на что угодно: будь то банально – алкоголизм, безобидно – табакокурение, накладно – казино и игровые автоматы, прогрессивно – Интернет-зависимость, высококалорийно – обжорство или гламурно – шопоголизм. Кого-то ломает без очередной дорожки кокаина, кого-то – без очередной сумочки от Fendi.

– А ты, значит, делала так, что твоих жертв начинало ломать без тебя? – предположила я, восторженно затаив дыхание, едва веря, что эта маленькая хрупкая девушка действительно может обладать таким невероятным могуществом.

На секунду в ее взгляде проскользнуло что-то похожее на сомнение или сожаление.

– Ты думаешь, я это делала для себя? Думаешь, я разводила людей на деньги ради денег? Неужели ты считаешь, я стала бы так ломать жизнь людям просто из своей прихоти или желания ощутить власть, самоутвердиться? – Она гневно посмотрела на меня.

Я не нашлась, что ответить. Потому что если бы обладала способностью управлять людьми, словно марионетками, то наверняка использовала бы ее именно так: для себя, для денег и для власти. А для чего же еще нужна такая сила? Словно прочтя мои мысли, Даша устало усмехнулась.

– Ты получишь мою историю, – сказала она, испытующе глядя мне в глаза. – Но ты должна пообещать, что за это я получу его телефон. Мне правда нужно его найти. Я должна... Пообещай, что дашь мне его телефон сразу после того, как я отвечу на все твои вопросы.

– Считаю, его телефон уже у тебя в кармане, – ободряюще заверила я, а потом, догадавшись, предположила: – Ты ведь делала все это для него, да? – Но, видя, как мрачнеет ее взгляд и замыкается лицо, тут же примирительно добавила: – Я обещаю тебе!

Даша тут же успокоилась, ее глаза посветлели, а лоб разгладился. На секунду я вспомнила об обещании не давать номер Стаса никому, в особенности Даше. Ну да не беда! Обещания даются для того, чтобы их не сдерживать!

* * *

Мы прошли в ее двухкомнатную квартиру в цокольном этаже стандартной пятиэтажки недалеко от Академической. Не без удивления я отметила, что обставлена квартира скромно, даже аскетически: только самое необходимое. Белые стены, складной синий диван, стол, ноутбук, кресло, два стула. Вся мебель дешевая. Странно, судя по одежде, машине и платиновому блеску ухоженных длинных волос Даша могла бы себе позволить жилье пошкарнее. Впрочем, возможно, простота и минимализм обстановки – продуманный ход, часть имиджа образцовой манипуляторши. В конце концов, если она разводила олигархов на деньги, ей наверняка нельзя было показаться слишком успешной или обеспеченной. Должно быть, она приводила их в свое «скромное гнездышко», и те, проникаясь благодарностью за хороший секс и чувством вины за то, что такая славная девушка так просто живет, отваливали ей целую кучу денег на ремонт квартиры (а то и вовсе на покупку нового жилья). Размышляя таким образом, я удобно устроилась в большом синем кресле, очень довольная тем, что раскусила профессиональную уловку манипулятора.

– Чай, кофе? – спросила Даша, проходя на небольшую, но уютную кухнюку.

– Чай, – отозвалась я, вставая с кресла и проходя за ней следом. – Скажи, ты приводила олигархов в эту квартиру?

– Никогда, – отрезала Даша, открывая стенной шкаф и изучая бесчисленные баночки и коробочки с самыми разными сортами чая и кофе. – Дом – это твоя личная территория.

Зона отдыха от работы. Кроме того, квартиры, как правило, выдают людей с головой. Для манипулятора это nepoзвoлитeльнaя роскошь. Жертва должна знать о тебе только то, что ты позволяешь ей о себе узнать. Какой чай предпочитаешь: зеленый, фруктовый, имбирный, бергамот, липовый?

– Имбирный, – ответила я, поежившись от ее предостерегающего тона: действительно, с Дашей лучше выбирать выражения и трижды подумать перед тем, как задавать провокационные вопросы.

– Я не делала из своей квартиры пафосного гнездышка, потому что не вижу смысла выкидывать деньги на то, что мне не принадлежит. К тому же я вообще не люблю бессмысленных трат, – пояснила Даша, словно прочитав мои мысли.

Я вдруг вспомнила Стаса и его дешевые сигареты.

– А Mercedes SLK? – спросила я, невинно улыбаясь. – Это разумная трата денег?

– Это отдельная история, – отрезала Даша, наливая мне чай. – Это был подарок, и я не могла его продать. Если бы я выбирала машину сама, то купила бы Toyota Celica или, может, Mazda RX8. – На секунду она задумчиво улыбнулась каким-то своим мыслям, но уже в следующий миг ее лицо приняло прежнее, непроницаемое выражение полной отрешенности и замкнутости.

Даша с уверенностью опытного бармена смешала в своей чашке несколько сортов чая, и вся кухня наполнилась дурманящим запахом жасмина.

В разговоре наступила пауза, заполненная смакованием очень недурного чая. Я огромными глотками пила самый вкусный напиток из всех, что когда-либо пробовала, и лихорадочно соображала, как наладить беседу.

Даша с ее блестящими жемчужно-перламутровыми волосами, закрывающими полспины, и колючим взглядом темно-зеленых глаз заставляла меня чувствовать себя неловко. Странно, я-то думала, что годы журналистской карьеры научили меня необходимой бесцеремонности. Но сейчас почему-то терялась и робела. В ее присутствии я как никогда остро ощущала свое несовершенство. Забавно: я ожидала встретить классическую содержанку с безупречно красивым лицом, огромной грудью, неподвластной силе земного притяжения, и ногами манекенщицы. Я была уверена, что девушка, охотящаяся на олигархов, так или иначе вписывается в схему алчной и примитивной красотки с потугами в модельном бизнесе и системой ценностей, сформированной в основном журналом Vogue. Да, я допускала, что Даша будет немного отличаться от остальных содержанок, не зря же вокруг нее поднялась такая шумиха. Но эрудированности, начитанности и образованности я, конечно, не ожидала. Стеллаж в ее комнате был под завязку забит книгами. Пробежавшись взглядом по разноцветным корешкам и просмотрев названия, я сделала для себя два вывода.

1. Эта девушка читает на порядок больше меня, а ведь я выпускница филфака и при этом обожаю читать и...

2. В ее библиотеке я не обнаружила ни одной несерьезной книги, вроде «Секса в большом городе». Куда ни глянь, всюду серьезные толстые пособия с пугающими названиями: «Скрытое управление», «Техника манипуляций», «Нейролингвистическое программирование», «Гипноз». Блин, если она и правда все это прочитала, то я рядом с ней просто неуч и пустышка.

Я поняла, что напрасно не подготовилась к встрече с Дашей самым тщательным образом. Надо было заранее составить как можно более корректные вопросы. Пятнадцати минут с ней наедине было достаточно, чтобы понять: эта девушка дьявольски остра на язык. Любое мое неосторожное слово или бестактный вопрос она может парировать меткой и колкой фразой, которую я не забуду до конца своих дней, а потому я должна быть предельно дипломатична.

– Хороший чай, – похвалила я вполне искренне, чтобы занять чем-то возникшую паузу.

– Да, мне тоже нравится, – отозвалась Даша. – Видишь ли, я совсем не употребляю алкоголь, так что ищу другие способы побаловать себя.

Глядя, как она невозмутимо попивает цветочный чай, я почему-то разозлилась. Неприязненно разглядывая ее безупречную точеную фигурку, гладкую чистую кожу, ясный смелый взгляд, прекрасно сидящую дорогую одежду, я начала вытеснять смущение и робость агрессией. Да кто она такая?! Алчная хищница! Содержанка! Обычная охотница за мужскими бумажниками, пусть даже и суперпрофессиональная. Разве она что-то сделала сама? Разве чего-то добилась? Всю жизнь жила за счет мужчин, крутя ими при помощи своего острого язычка и стройных ножек. И я еще буду с ней церемониться?! Раззадорив себя такими мыслями, я решительно отставила чашку в сторону и, уставившись на нее с наглой улыбкой, поинтересовалась:

– Скажи, правда ли, что самое эффективное средство манипуляций – это секс?

Она даже бровью не повела, просто продолжила потягивать почти остывший чай:

– Ну да, сексуальный стимул может использоваться как наживка и существенно ускорить процесс, – неопределенно ответила она, чем взбесила меня еще больше: ненавижу, когда люди начинают уходить от вопроса.

– Не пытайся увилить! – пригрозила я. – Ты прекрасно поняла, о чем я спрашиваю!

Она невозмутимо молчала.

– Так поняла или нет?

– А что, должна была?

– Хорошо, я выражусь поточнее, – сказала я, стараясь успокоиться. – Ты спала со своими жертвами?

Даша продолжала молчать. Она спокойно допила чай, сполоснула обе кружки. После чего встала напротив меня.

– Похоже, ты не вполне понимаешь, чем я занималась, – сказала Даша, вытирая влажные руки; на пальце у нее блеснуло платиновое кольцо. Сапфиры и бриллианты. Страшно представить, сколько такое может стоить. Как тут не понять, что к чему!

– Да брось, кого ты из себя строишь?! – возмущенно начала я, но она прервала меня изящным жестом.

– Намного интереснее узнать, кого ты из себя строишь, – усмехнулась она и внимательно оглядела меня с головы до ног. – Давай посмотрим... Твоя любимая роль – это жертва. Тебе нравится зависеть от кого-то или чего-то. У тебя хороший аппетит, ты любишь есть медленно, смакуя процесс. Больше всего боишься одиночества. Даже приходя домой, ты, скорее всего, сразу включаешь радио или телевизор, чтобы чувствовать, что ты не одна, а на стенах у тебя наверняка висят чьи-то портреты и фотографии, так ты создаешь эффект присутствия других людей в своей жизни. Ты часто обращаешься к людям за советами, но почти никогда им не следуешь, ты очень болезненно воспринимаешь отказы, и если бы я сегодня не дала тебе интервью, ты хранила бы обиду на меня еще долгие годы. Ты постоянно нуждаешься в поддержке. У тебя может болеть спина без видимых причин. Ты умеешь управлять людьми, но и сама легко поддаешься влиянию.

Я молчала. Надо было что-то сказать, но я молчала. Хорошо бы сейчас рассмеяться ей в лицо и сказать, что все это полная чушь, но я молчала. Ее слова меня настолько потрясли, что я даже испугалась. Кто она такая? Откуда столько всего обо мне знает? Даже про портреты на стенах! У меня пересохло в горле.

– Хочешь еще чаю? – спросила Даша, как ни в чем не бывало. – Я вижу, тебе и впрямь понравился мой чай.

Я кивнула. Она заварила свежую порцию и поставила передо мной на стол ароматно дымящуюся кружку.

– Как? – спросила я наконец. – Откуда ты все это взяла? Как ты могла узнать про меня?

– Не бойся, это не магия, – Даша усмехнулась. Видимо, мой полный почтительного трепета взгляд и уважительный испуг в голосе ее позабавили. – Просто наука. Человека можно читать по его телу. Это довольно легко. По крайней мере это был один из первых навыков, которые я освоила. Теперь достаточно взглянуть на фигуру человека, и я могу предположить, от какой травмы он страдает, чего боится, чего хочет, каким болезням подвержен, и так далее.

– А ты крута, – заметила я не без зависти, отпивая пахучего чая. – Кроме шуток, прости, что сразу не восприняла тебя всерьез. Я думала, ты – продажная кукла с пластмассовыми мозгами и высокомерным нравом, которая начиталась модных книжек типа Лены Лениной или Оксаны Робски и решила провозгласить себя первой столичной охотницей.

– Все так думают, – Даша понимающе улыбнулась. – Тысячи девушек каждый день разбиваются в лепешку, пытаясь заполучить богатого любовника, выходят сотни книг о том, как окольцевать/соблазнить/удержать олигарха. Поверь, к настоящему профессиональному занятию аддиктингом это не имеет никакого отношения. Сравнить любителей и профессионалов так же нелепо, как сравнивать «жигули» и Mercedes SLR McLaren. Профессиональный гонщик никогда не будет участвовать в Формуле 1 за рулем «жигулей», точно так же и профессиональный манипулятор...

– Ты сказала «аддиктинг»?

– Ну да, «addicting» от английского термина «addict» – приверженный к чему-либо, зависимый. Мы со Стасом называли наше занятие Addicting. Мы начали аддиктить людей больше года назад, за это время успели посадить и освободить больше десяти человек и заработать на этом немало денег. В принципе, еще несколько месяцев работы и мы могли бы уйти на покой. Купили бы квартиру, выгодно вложили деньги и жили бы в свое удовольствие, забыв про все, что мы знаем, и особенно про все, что мы натворили... – Даша замолчала. Я лишь сейчас заметила у нее под глазами глубокие тени бессонницы, тщательно замаскированные пудрой цвета слоновой кости.

– Что же случилось? – не выдержала я, непроизвольно подаваясь вперед.

Даша невесело усмехнулась:

– Тебе налить еще чая? Это долгая история...

Глава 1

С самого рождения у Даши уже были все задатки для того, чтобы рано или поздно завоевать мир. Она выросла в одном из тех небольших, но в целом уютных провинциальных городков, где Bentley – это почти ругательство, а Guerlain – малознакомое слово, где стразы Swarovsky легко выдать за настоящие бриллианты, а любые изощрения пластической хирургии до сих пор кажутся восьмым чудом света.

К семнадцати годам она могла похвастаться весьма спорной внешностью (которую в провинции приравнивали к некрасивости), незаурядным умом, острым языком и огромной силой воли.

До встречи со Стасом и начала всей этой безумной истории Дашина жизнь на 50 % состояла из чтения книг (особое предпочтение она отдавала зарубежной классике XX века), на 30 % – из физических нагрузок (ее тело было совершенно от природы, но тем не менее ей нравилось истязать себя долгими тренировками на свежем воздухе) и на 20 % – из ожесточенных схваток с матерью и старшими сестрами (она получала острейшее наслаждение, упражняясь в остроумии).

Со стороны могло показаться, что Даша влачит жалкое, одинокое существование, но на деле она была вполне довольна своей жизнью. Пробежка с утра, потом ежедневная тренировка сарказма на сестрах, а если повезет, то и на матери. Перетерпеть уроки в школе (это было несложно, потому что почти на всех уроках Даша тайком читала под партой), перетерпеть перемены (это уже на порядок сложнее, ибо ничто не раздражало ее сильнее, чем девичьи повизгивания, плоские шуточки, пустые разговоры и брачные игры одноклассников). К вечеру Дашу наконец все оставляли в покое, и она могла посидеть в тишине с книгой, прогуляться по набережной или даже выбраться в кино.

Может, ее жизнь и не отличалась особым разнообразием, и тем не менее Даша искренне наслаждалась ею и не собиралась ничего менять... Она была уверена, что лучше и быть не может. И сколько ее ни пытались спровоцировать сестры, родители, одноклассники или знакомые, она не поддавалась. И наотрез отказывалась признавать, что в ее жизни чего-то не хватает. Несмотря на отсутствие пьянок, гулянок, поклонников, подружек, приключений и легких безумств, которые так нужны каждому нормальному подростку для безболезненного полового созревания, Даша на удивление легко переносила свое тотальное одиночество и даже не думала оплакивать свою несчастную судьбу.

И вообще, к семнадцати годам Даша могла бы по пальцам пересчитать случаи, когда она плакала.

Первый раз – в пять лет. Она сильно разочаровала свою мать, с треском проиграв местный детский конкурс красоты...

* * *

По лицу маленькой Даши сложно было сказать, вырастет ли она красивой, посредственной или даже страшенькой: белесые волосики, светлые черты не по-детски задумчивого лица и немного печальные темно-зеленые глаза. Однако мать, признанная в городе красавица, кокетка и всеобщая любимица, постаралась изо всех сил, чтобы выжать из Дашиных природных данных максимум. Она накрутила Дашины светлые волосики на бигуди, нарядила ее в ярко-розовое платье с пышной юбкой и лакированные туфельки. Туфли были неудобными и очень натирали ноги, платье электризовалось, трещало и билось током, а от

запах лака для волос щипало в носу. Но тем не менее Даша стоически сносила все эти издевательства и на протяжении всего конкурса мужественно улыбалась изо всех сил так, как учила ее мама. Она знала, что на этом конкурсе ей надо победить любой ценой. Пусть конкурс был совсем непрофессиональным, любительским, зато в нем уже когда-то давно побеждала мама. А потом и Дашины старшие сестры. А теперь вот должна была победить Даша, продолжив тем самым славную традицию семьи, в которой все женщины отличались редкостной, завораживающей, пленительной красотой. Сама Даша мало походила на маму и сестер. И не отличалась ни редкостной, ни завораживающей, ни пленительной, ни вообще какой бы то ни было красотой.

* * *

Даша пошла в отца, который был некрасив, но удивительно остроумен и харизматичен. Если Дашину маму, Надежду, любили, то Дашиного отца, Игоря, просто боготворили. Он пользовался безоговорочным авторитетом и всеобщим уважением. Даже маленькая Даша не могла этого не чувствовать. Не раз она слышала, как отец одним словом мог рассмешить кого-то или поставить на место, как побеждал в любом споре, как всегда и во всем добивался своего. Казалось, он обладал полной властью над собой, людьми и событиями. Даше он казался всемогущим, она всем нутром ощущала свое сходство с отцом и невероятно гордилась этим. У нее была такая же светлая кожа и волосы, такие же узкие глаза, четкая линия рта и прямой нос. Она радовалась, что унаследовала черты папы, и не понимала, почему все, включая его самого, так попрекают ее этим.

* * *

– Дашенька, ты пока не очень похожа на меня лицом, так что постарайся хотя бы вести себя как я, – напутствовала ее мать перед конкурсом; голос у нее при этом был как будто мягкий и снисходительный, но под ним скрывалось что-то вроде раздражения и недовольства, которые маленькая Даша без труда уловила.

– Будь милой, хорошей, обаятельной и главное – улыбайся. Все время улыбайся! Если ты не будешь улыбаться, то не победишь. А победить надо, во что бы то ни стало. Понятно?

Даше было понятно. И она улыбалась, улыбалась изо всех сил, хотя в глубине души не испытывала ни малейшего интереса ни к конкурсу, ни к победе в нем...

Даша проиграла в самом финале. Когда ведущий начал задавать ей и другим девочкам вопросы. «О чем ты мечтаешь?» – спросили Дашу, и она, недолго думая, ответила: «Мечтаю управлять целым миром». Это был странный ответ для пятилетней крохи, но Даше показалось, что это произведет должное впечатление на отца, который тоже был здесь и смотрел на нее из зрительного зала. Она так и не узнала, произвела ли нужное впечатление на отца или нет, зато буквально пять минут спустя, узнала, что произвела убийственное впечатление на жюри и мать. Первые оставили ее без победы, отдав корону хорошенькой голубоглазой девочке, сказавшей, что больше всего она любит маму, папу и собачку Джонни.

Что же касается матери, то она была в ярости и отчитывала Дашу своим мелодичным звенящим голоском, который так неприятно пульсировал у девочки в висках, что она не разобрала и не запомнила ни слова из ее тирады. После всего этого инцидента у маленькой Даши не осталось ничего, кроме смутного чувства несправедливости, которое она не могла пока ни осознать, ни проанализировать, но зато ощущала очень ярко.

Ведь она старалась делать все, что говорит ей мама (при том, что не больно-то ей этого и хотелось), и старалась вести себя так, как ведет папа. Так почему ее ругают?

С тех пор Даша уяснила для себя одну простую вещь: молчание – золото. Чем больше она смотрела на отца, тем больше отмечала его холодность, безразличие и скрытность. Однако окружающие, похоже, этого не видели. Там, где маленькая Даша ощущала замкнутость и равнодушие, другие видели загадочность и роковой шарм.

* * *

Игорь был хирургом. Притом не рядовым, а блестящим, одним из лучших в городе. Как следствие, он был циничен, грубоват, брутален и толстокож. Годами он воспитывал в себе бесчувственность к окружающему миру и к тридцати с лишним заметно в этом преуспел. Ничто не могло его пронять. Он знал, что люди стрессовых профессий часто ищут утешение в спиртном или наркотиках, но сам не собирался идти этой сомнительной дорожкой. Ему казалось, что куда правильнее работать над собой, освобождаясь от всех чувств, искореняя все эти мелочные земные страстишки и становясь абсолютно неуязвимым.

В свое время он предпринял блестящий стратегический ход, женившись на Надежде, сказочно красивой, милой девушке, которая работала врачом-педиатром и была такой же пленительно женственной и беззащитно-хрупкой, как ее профессия.

Что же касается самой Надежды, она была первой красавицей в их больнице, а может, и во всем городе. Будучи от природы к тому же девушкой неглупой, она понимала, что она – желанная невеста и ее природные данные нужно удачно инвестировать. Однако, несмотря на обилие поклонников самых разных возрастов и социальных статусов, она никак не могла выделить из них кого-то одного, самого выдающегося и стопроцентно достойного ее неземной красоты.

Когда на горизонте появился Игорь, все сразу изменилось. Он не был красив, но все равно считался самым привлекательным мужчиной в больнице. О нем постоянно сплетничали другие врачи, по нему сходили с ума все медсестры. Сама Надежда вначале не была уверена, что Игорь подходящая партия для нее. Она даже не была уверена в том, что он ей вообще нравится. Он был неэмоционален, немногословен, циничен сверх всякой меры. Она не понимала половины его шуток, над которыми с таким энтузиазмом смеялась вся больница. Порой, когда Игорь делал ей комплименты, в тоне его голоса она ощущала едва уловимую иронию. Даже когда он внимательно смотрел ей в глаза, губы его порой кривились в легкой усмешке, и она подозревала, что в глубине души он потешается над ней. Но при всем при этом он был очень умен, безмерно талантлив и умел внимательно слушать.

Словом, когда они начали вместе пить кофе в перерывах, по больнице поползли слухи. И общественный вердикт был таков: свершилось – самая привлекательная женщина больницы наконец-то захомотала самого завидного холостяка. На них смотрели со смесью зависти и любопытства. Все несколько месяцев своего существования этот роман был главной темой для разговоров больничного персонала, и его главные герои стали еще популярнее, чем раньше.

Под натиском бесконечных сплетен Надежда сдалась. Все говорили, что они потрясающе красивая пара, и, хотя сама Надежда не была до конца в этом уверена, общественное мнение для нее всегда было дороже и важнее собственного. А потому она вышла за Игоря замуж и, в общем-то, не пожалела. Даже в те вечера, когда она ощущала его холодность, ее грела мысль о том, какую замечательную партию она сделала.

Они быстро притерлись друг к другу. Игорь очень хорошо изучил свою супругу, и буквально через месяц совместной жизни она стала для него открытой книгой. Все ее «тайные» мысли, страхи, желания и переживания были настолько очевидными, как будто мелькали бегущей строкой у нее на лбу. Ему нравилась ее предсказуемость (хотя в глубине души он и приравнивал ее к примитивности).

Что же касается Надежды, то она (не без оснований) считала себя идеальной женой, ей казалось, что она понимает супруга (и тут она, конечно, сильно ошибалась), а еще ей нравилось, что все женщины завидуют ей, а знакомые восхищаются их парой. Словом, в первый же год брака Надежда сочла, что Игорь является идеальной оправой для такого бриллианта, как она. В конце концов, ей даже понравилась его некрасота. Ведь на его фоне она выглядела еще более сказочно и пленительно.

Только одна вещь теперь всерьез беспокоила ее – это будущие дети. Конечно, у мужа неплохие гены: он умен, образован, талантлив, начитан и блестящий оратор к тому же. Но все же Надежде до смерти хотелось, чтобы их дети унаследовали ее внешность.

Игоря не слишком воодушевляла мысль о потомстве. У него имелись на этот счет свои опасения. А что если ребенок пробьет броню его равнодушия? Он знал, что порой такое случается. И разумные, цельные, сильные люди превращаются в безмозглых родителей, умильно сюсюкающих над своим драгоценным чадом. При этом люди начисто теряют всякий разум и впадают в панику по любому нелепейшему поводу, будь то температура или сыпь на коже младенца. Такая участь его отнюдь не устраивала. Но как ее избежать, он не знал. В итоге под воздействием мягких, но настойчивых уговоров жены, Игорь решил таки завести потомство.

Рождение близняшек тут же рассеяло страхи обоих родителей. Надежда ликовала, потому что девочки оказались точной ее копией с огромными шоколадными глазищами и кукольными ресничками. Они были самыми прелестными детьми во всем отделении, и Надежда испытала огромное облегчение, к тому же окружающие только и говорили, что о невероятной красоте ее малюток, а значит, общественное мнение, как всегда, оказалось на ее стороне и можно было вновь спать спокойно...

Игорь тоже испытал огромное облегчение. Девочки были хорошенькими, как две капли похожими на мать и, впервые увидев их, он испытал к ним то же, что и к Надежде: приязнь, смешанную с равнодушием. Все было в порядке, но не более того. Девочки были самыми обыкновенными, но никакой бури в его душе они не вызвали и никакой переоценки ценностей, которой он так боялся, не произошло, а значит, можно было жить как раньше...

Девочек называли Карина и Олеся. Имена выбирала Надежда. Ей хотелось, чтобы девочки выросли такими же очаровательными, женственными и популярными, как она сама, поэтому она перерыла несколько книг с именами после чего наконец остановилась на этих, считая их достаточно звучными для будущих красавиц.

Для Игоря после рождения детей мало что изменилось. Он помогал жене ухаживать за детьми с легкостью и профессионализмом настоящего медика. Особого участия в их воспитании он принимать не собирался. Ведь это были девочки, а значит, будет лучше, если обо всем позаботится мать.

А через два года случилось неизбежное. Родилась Даша, чем чуть не довела своих бедных родителей до нервного срыва...

Как вы уже поняли, Даша была материализовавшимся страхом ее семьи. Надежда с огромным разочарованием обнаружила, что ребенок пошел в Игоря. И не просто ребенок, а девочка!!! Пребывая в стопроцентной уверенности, что внешность – это главное женское достояние и самая необходимая для девушки добродетель, Надежда впала в послеродовую депрессию, ломая голову над тем, как ее бедная детка устроится в этом жестоком мире с таким невыразительным лицом и, главное, что теперь скажут люди?

Однако время шло. Девочка подрастала. А люди ничего особенно плохого не говорили. Это слегка успокоило Надежду, внушив ей некоторый оптимизм. В конце концов, все утверждали, что из некрасивых детей вырастают потом красивые люди. Так что мать решила подождать волшебного превращения.

Что касалось Игоря, то для него все обернулось намного серьезнее. Он проникся к своей крохе с первого взгляда. Она была его маленькой копией, сильной, здоровой и спокойной. Плакала девочка только в самых исключительных случаях и только по делу. Глядя в ее затуманенные глазки, Игорь вспоминал легенды о Древней Спарте, где, судя по слухам, девочек и болезненных мальчиков еще в младенчестве сбрасывали со скалы. Никому не нужны были слабые дети, всем нужны были потенциальные воины. «Но тебя бы точно не сбросили, не так ли?» – говорил Игорь девочке, которая, даже несмотря на свой юный возраст, не производила впечатление беззащитного создания. В конечном счете, Игорь с ужасом заметил, что начинает привязываться к малышке. Это было последнее, в чем он нуждался в этой жизни. Чувства делают человека уязвимым. А уязвимый человек – слаб, беспомощен и ни на что не годен...

Когда Даше исполнился год, Игорь уже нашел способ отгородиться от жизни в целом и от дочери в частности. В качестве анестезии он использовал огромную кружку кофе, куда добавлял изрядную порцию чистого спирта, хотя до этого был фанатично предан здоровому образу жизни и не уважал ни алкоголь, ни тех, кто его употребляет...

* * *

Время шло. Девочки росли. Близняшки точно следовали по пути, проложенному когда-то их матерью.

Что касается Даши, то глобальная акция по ее перевоспитанию продолжалась еще несколько лет, пока терпению девочки не пришел конец.

К десяти годам Даша вдруг перестала молчать. У нее прорезались отцовское остроумие и не свойственный ребенку сарказм. С поразительным для своего возраста цинизмом она начала отвечать матери, вступая с ней в словесные поединки. И порой с ее маленьких бледных губ слетали столь язвительные комментарии, что Надежда не находила что ответить и в недоумении ретировалась.

– Помни, дорогая, что красота требует жертв, – внушала Надежда своей маленькой дочери, на что Даша мило улыбалась и отвечала:

– Понимаю, мама, с твоей стороны так благородно было стать жертвой красоты.

– Я не знаю, что с ней делать, – жаловалась Надежда мужу. – Девочки часто бывают капризными, но Даша не похожа на нормального ребенка. Она замкнутая, холодная. К тому же не блещет красотой. Кому будет нужна некрасивая бесчувственная эгоистка, себе на уме?

Игорь молча соглашался. Чем взрослее становилась Даша, тем меньше она его устраивала. С каждым годом она становилась все более раздражающе-безразличной ко всем на свете, включая мать, отца и сестер. Она умела смотреть на людей так, что те начинали чувствовать себя круглыми дураками (а такое умение редко сходит женщинам с рук). Она умела игнорировать кого угодно и не умела плакать, даже когда ее ругали или наказывали. Даша раздражала его неестественной для ребенка самодостаточностью, словно не нуждалась ни в чьих советах или наставлениях, ни в чьем внимании или любви. Плюс ко всему она была по-настоящему неглупа и очень остра на язык. Не слишком эмоциональный Игорь, привыкший жить в браке с женщиной, которой он был всегда «доволен», и двумя дочерьми, которые всегда «оправдывали его ожидания», не знал, как относиться к Даше. Она обезоруживала его своей неординарностью, словно была его же оружием. В своих чувствах к дочери он долго колебался между безразличием и холодной ненавистью и в конце концов остановился на втором. Он ненавидел Дашино высокомерие, ироничность и отчужденную бесчувственность. В ту пору он старался не замечать, как сильно дочь похожа на него, и не подозревал, что так же сильно ненавидит самого себя...

К семнадцати годам Даша так и не стала похожа на мать, к разочарованию всего семейства. Всем ведь известно: если девушка к этому возрасту не превратилась из гадкого утенка во что-нибудь путное, значит, волшебного превращения, скорее всего, уже можно не ждать. Вообще!

В ней всегда было много незаурядного, начиная с удивительно белой, как лепестки жасмина, кожи (и это в эпоху всеобщей помешанности на солярии) и заканчивая нестандартной для школьницы способностью прочитать за одну ночь толстенную книгу. Она была необычной девушкой. Правда, никто в ее родном городе не мог толком сказать, хорошо это или плохо.

По меркам провинции Даша считалась не слишком привлекательной. Ну а уж по меркам своей семьи, где мать, старшие сестры, да и вообще все женщины в роду отличались необычайной прямой красотой, Даша и вовсе слыла парией.

Ее лицо – необычное, бросающее вызов всем классическим канонам и вместе с тем запоминающееся, было настолько нестандартным, что никто не брался его оценить. Однако забыть это лицо было невозможно. Узкие темно-зеленые глаза смотрели на мир со смесью прохладного безразличия и магнетизма. Ее маленькие бледные губы выглядели всегда чуть припухшими, как будто их долго целовали. Когда Даша уходила в себя, вокруг ее узких темных глаз залегали глубокие тени. А когда она замышляла какую-нибудь чертовщину, в уголках ее прищуренных век намечались хищные морщинки.

Пройдет всего несколько лет, и Дашина незаурядная внешность со всеми ее изъянами покорит Москву, а вернее, московских мужчин, столь охочих до всего эксклюзивного. Но пока она была самой обычной семнадцатилетней ученицей выпускного класса, не особенно популярной в школьном сообществе, не пользующейся успехом у «крутых» мальчиков, слишком умной и ироничной для своего возраста...

Десять лет учебы она тихо-мирно просидела на задней парте, не особенно вдаваясь в речи учителей, не участвуя в школьных интригах своих смазливых одноклассниц и брачных играх с дебилами-одноклассниками.

Несмотря на юный возраст, Даша умела держаться столь холодно и неприступно, что ни один парень еще не посмел наградить ее пошлой любезностью или ущипнуть за мягкое место. Подтрунивание – обычное дело среди старшеклассников. Пацаны всегда охотно шутили над красавицами и уродинами, умницами и пустышками. В классе постоянно царил атмосфера бешенства мартовских котиков, но ни одна острота, ни одна колкость, ни одно заигрывание еще не было адресовано Даше, поскольку большую часть перемен она проводила, уткнувшись в книгу, всем своим видом давая понять, что трогать ее не стоит. Ее лицо всегда было холодно и замкнуто, взгляд непроницаем, а губы умели кривиться в таком безграничном, высокомерном презрении, что одноклассники даже не пытались нарушить ее покой и потревожить ее одиночество. На любую фразу в свой адрес она отвечала колко и метко: переострить ее было невозможно. А потому никто и не пытался. Она жаждала покоя и уединения и, как правило, все годы учебы без труда добивалась желаемого. С ней не общались, ее не знали и не трогали. Даша пришла к выводу, что нейтралитет – это огромная сила. Я не трогаю вас, и вы не тронете меня. Мне нет дела до вас, спасибо, что вам нет дела до меня. Жизнь так проста, когда не пускаешь в нее посторонних людей.

* * *

Это был май месяц. Дашина учеба подходила к концу. Согласно родительскому плану, Даша должна была поступать в университет на психологический, социологический или филологический факультет (на этих специальностях настояла Дашина мама, утверждая, что

они наиболее подходящие для девушки, которая хочет сохранить женственность в глазах общества). Даша, которой по большому счету было все равно, где учиться, особо не возражала. По крайней мере до одного знаменательного случая!

Она как раз вернулась с утренней пробежки и отправилась в ванну, чтобы принять душ перед школой. Выключив воду, она начала растираться жестким полотенцем, как вдруг услышала родительские голоса, доносившиеся из кухни.

– Говорю тебе, она абсолютно не адекватна, – жаловалась Надежда своему мужу. – В ее возрасте я уже давным-давно... хотя такие сравнения, пожалуй, неуместны, достаточно посмотреть на ее сестер! Они обе очень живые, общительные девочки. Вокруг них всегда столько внимания! А Даша... даже не знаю, как думаешь, может, нам стоит показать ее психиатру? С ее развитием явно что-то не в порядке. Она такая бесчувственная и вредная. Это ненормально!

Даша, затаив дыхание, слушала, что ответит отец. Упреки матери ее только позабавили. Даша знала, что мать при всем ее обаянии и имидже мудрой женщины, на деле не отличается дальновидностью и зачастую судит слишком ограниченно и поверхностно. Про отца такого не скажешь. Даша втайне восхищалась его умом, его выдержкой, его силой воли, его злым и блестящим языком, который делал его абсолютно неуязвимым. В отличие от своих красавиц-сестер, напоминающих две приторно-сладкие карамельки и похожих на мать как две капли воды, Даша была папиной дочкой. Она унаследовала и его остроумие, и способности, и необычную для юной девушки внешность.

– Даша не слишком красива. Это уже достаточно печально для женщины, – сказал Игорь задумчиво. – К тому же она черства, у нее тяжелый характер и абсолютно никаких способностей, за которые ее можно любить или хотя бы уважать. Я бы предложил тебе оставить ее в покое. Вряд ли из нее выйдет покорительница мужских сердец. Лучшее, на что можно надеяться, так это на то, что она возьмет себя в руки и по крайней мере начнет учиться как следует. Если нам повезет, она поступит на психфак и проведет остаток своих дней, анализируя собственные бессознательные страхи и комплексы.

Даша не пожелала слушать продолжение. Она вновь включила воду в душе на полную мощность и ожесточенно терла себя мочалкой до тех пор, пока у нее не начала саднить кожа. Прокручивая в голове услышанное, она рассмеялась. Она хохотала и хохотала как гиена, пока не обнаружила, что рыдает взахлеб. Скорлупа ее невозмутимости была пробита. Раньше она считала, что отец строг к ней, потому что видит, как сильно они похожи и как многого она может добиться, если сочтет нужным что-то предпринять. Вытирая мокрое, опухшее от слез лицо, Даша поняла, что ее спокойствие и неуязвимость были показными. Выходит, в мире все-таки есть кое-что ей не безразличное. Позже, вечером, в сумерках своей комнаты Даша приняла твердое решение преподнести отцу ценный урок...

По пятницам в их семье проходили традиционные торжественно-показательные ужины. Даша на таких ужинах обычно хранила молчание. Она неторопливо ела, внимательно слушая разговор за столом, усмехаясь своим мыслям, стараясь под благовидным предлогом пораньше улизнуть из-за стола.

В этот вечер Игорь с удивлением наблюдал, как Даша с царственной улыбкой вышла из своей комнаты и, поощрительно кивнув парням своих сестер, села между ними. Она как-то изменилась в этот вечер. Ее светлые волосы были затянуты в тугий высокий хвост, осанка, как всегда, безупречна, а улыбка скорее озорна и лукава, чем высокомерна. Игорь очень плохо знал свою дочь, но был достаточно проницателен, чтобы понять: Даша что-то затеяла. Чудеса продолжались. Весь вечер разговор направляла Даша. Поворачиваясь то к одному, то к другому парню, она рассказывала какую-то историю из школьного быта, блистая при этом остроумием. Игорь невольно поймал себя на том, что внимательно слушает Дашин увлекательный рассказ, с недоумением отмечая, какой у его дочери, оказывается, красивый голос:

низкий, грудной, чувственный с бархатистыми интонациями. Ее речь была гладкой и складной, как у телезвезды, давшей множество интервью и привыкшей к публичным выступлениям. Надежда и две ее дочери с легким беспокойством и раздражением наблюдали, как молодые люди едва ли не с открытыми ртами слушают Дашу, смеются всем ее шуткам и смотрят на нее так, словно не замечают ее бледной кожи, узких глаз и вообще довольно неприметной внешности.

Когда ужин закончился, Игорь вызвал дочь для разговора тет-а-тет в комнату, которую считал своим кабинетом. Глядя, как спокойно и невозмутимо Даша входит в комнату и, закрывая за собой дверь, устраивается в небольшом кожаном кресле, Игорь раскурил трубку. Он любил сложные задачи. Но ненавидел, когда женщины пытались строить из себя сложные задачи. Он еще не знал, зачем вызвал дочь и о чем будет с ней говорить, но уже предвкушал, как от этого разговора у Даши поникнут плечи, как покорно опустятся ресницы, а с лица навсегда исчезнет всякий налет надменности.

– И что это было сегодня? – спросил он невозмутимо, таким тоном, словно ответ был ему на самом деле не слишком интересен.

– Не понимаю, о чем ты, – в тон ему очень официально, но с большим достоинством ответила Даша, закидывая ногу на ногу.

– Я думаю, ты понимаешь... – и Игорь надолго замолчал, полностью погрузившись в раскуривание трубки.

– Я знаю, вы с мамой беспокоились за меня, – ответила Даша наконец, – по поводу моей социальной и сексуальной неадаптированности. Вот я и решила продемонстрировать вам, что у меня все в полном порядке.

– Я так и думал, – протянул Игорь и вновь замолчал.

– Кстати, отец, раз уж у нас завязалась такая милая доверительная семейная беседа, – начала Даша иронично, – то хочу, пользуясь случаем, сообщить тебе, что я наконец определилась с выбором факультета и будущей профессии.

– Неужели?

– Я хочу стать хирургом, – сообщила Даша немного насмешливо.

Игорь от такой наглости на секунду даже потерял дар речи:

– Хирургом?! Как я?! – в недоумении выпалил он, не подумав.

– Вообще-то, я планировала стать лучше тебя, – нахально парировала Даша, красиво улыбаясь.

– И не мечтай.

– Что так? Боишься, что у меня получится?

– Боюсь, что вереница разочарований и поражений в твоей жизни пополнится еще одним звеном! – процедил он сквозь зубы.

Даша, не говоря ни слова, вышла из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь. Ее нейтралитету пришел конец. У нее появилась первая цель: переиграть и превзойти отца, заставить его признать свою неправоту, наконец пробить броню его неуязвимости. После стольких лет созерцания жизни ей впервые предстояло принять участие в активных действиях.

Через неделю после этого знаменательного вечера от Олеси ушел бойфренд. Он бросил ее, как сам потом признался, ради Даши. «С ней никогда не бывает скучно, – говорил он ошеломленной красавице Олесе в своей прощальной речи. – Она умеет слушать. С ней легко и ей можно доверять». Оказалось, он был не слишком хорошим пророком. Даша не стала с ним встречаться и вообще, добившись своей цели, даже перестала отвечать на его телефонные звонки. Всего семь дней понадобилось ей, чтобы отбить парня у своей красавицы-сестры. После чего она с пугающей улыбкой сообщила Карине:

– Еще одно слово в мой адрес, и ты будешь следующей.

И больше никому в семье не пришло в голову усомниться в ее словах.

Отныне никто не считал Дашу безобидной, и ни у кого не возникало желания ее жалеть или презирать. По идее, происшедшее должно было лишь усугубить Дашины отношения с отцом, но тем не менее через пару дней после инцидента свершилось чудо: Игорь вновь вызвал дочь в кабинет.

– Я устроил тебя на работу в свою больницу, – без предисловий сообщил он. – Если хочешь быть хирургом, сначала поработай санитаркой и узнай, во что ты собираешься ввязаться.

– Спасибо, отец, – с достоинством поблагодарила Даша, немного растерянная, но бесконечно довольная таким поворотом событий. – Я тебя не подведу, – добавила она и вышла.

Игорь вздохнул с облегчением. Устраивая Дашу на работу в больницу, он рассчитывал убить одним выстрелом сразу нескольких зайцев. Во-первых, Игорь искренне надеялся, что тяжелый физический труд отобьет у нее охоту к хирургии. Во-вторых, ему хотелось верить, что напряженная работа не оставит ей времени для чтения ее проклятых книг. И в-третьих, он рассчитывал, что, может быть, каким-то чудом подобные перемены в жизни дочери помогут ей зажить «нормальной жизнью». И, как выяснилось потом, он не ошибся. Ну или почти не ошибся, ведь хирургом Даша так и не стала. А больница действительно изменила ее жизнь больше, чем кто-либо мог предположить...

* * *

В ту самую ночь, когда Даша, отдежурив свою первую смену, присела на минутку в подсобке, чтобы прочитать пару страниц Тенниси Уильямса, и, зачитавшись, уснула, еще не подозревая, что следующие сутки изменят ее жизнь навсегда...

...так вот, в эту самую ночь за двести километров от спящей в дежурке семнадцатилетней девушки Стас лежал в постели с двумя блондинками и строил планы бегства.

Это был вечер пятницы – его самое любимое время за всю неделю! Ведь вечер пятницы – это всегда так многообещающе, так долгожданно! Это потом выходные оборачиваются сплошным разочарованием и тусовочной рутинной, но в пятницу вечером еще есть трепетная надежда, что что-то изменится и что этот week end пройдет совсем не так, как проходила вся твоя жизнь за последние двадцать два года...

Стас был самым совершенством. Но не подозревал об этом. Может, именно поэтому он и стал всеобщим любимчиком? А может, потому, что с самого детства имел все, о чем только можно мечтать!

Стас был потрясающе, изумительно, убийственно красив. Однако сам настолько привык к своей внешности, что не воспринимал ее всерьез. И сильно забавлялся, когда кто-то делал ему комплимент. Девочки, девушки, женщины любых возрастов млели от его дымчато-серых глаз, черных бровей и ресниц, чуть вздернутого носа и пухлых, сексуальных губ. Он умел улыбаться озорно и соблазнительно, от души и задумчиво, иронично и насмешливо. Он знал, как смотреть на женщин со смыслом... особенно если смысл заключался в том, чтобы жертва разделась быстрее, чем догорит спичка. Все эти навыки пробудились в нем очень рано, словно сами собой. Он виртуозно пользовался своей сексуальностью и умел расшевелить кого угодно. А потому его взрослая жизнь складывалась еще проще, чем детство.

Помимо всего прочего, Стасу при появлении на свет достались весьма состоятельные родители и все вытекающие отсюда бонусы. Казалось, с самого рождения он получил от жизни все то, за что другим приходится бороться годами.

Блондиночки, которые составляли Стасу компанию в эту пятницу, были теми еще штучками. Пикантность ситуации заключалась в том, что одна из них (вроде бы Анжела) была типичной московской цыпочкой с загорелой кожей, пухлыми губами, нарастанными

волосами и ресницами, в дорогушем белье от Chloe, а другая (кажется, Ира) была обыкновенной девчонкой из микрорайона.

Эта идея пришла ему в голову сегодня утром. И скучающий Стас на мгновение буквально окрылился от своей изобретательности. Суть эксперимента была проста: снять двух девушек: одну «рублевского формата», другую из микрорайона и, столкнув их лоб в лоб на собственном сексуальном ринге, посмотреть, кто окажется круче при деле...

Стас думал (и даже надеялся), что ему будет непросто снять богатенькую сучку. В последнее время он абсолютно выпал из vip-тусовки, очень редко посещал пафосные клубы и практически не общался со своими «друзьями по несчастью» (то есть другими мги-мошно-кокаино-кайеновскими детишками, которых, видимо, вместо школы водили в Дягилев).

Вечер с самого начала не задался. В двенадцатом часу Стас лихо припарковал свой Porsche Cayenne (которого в глубине души он дико стеснялся, но не мог поменять, ибо это был родительский подарок) недалеко от клуба F. Машину Стаса можно было узнать из тысячи подобных. Porsche был помят с нескольких сторон (результат лихой езды в нетрезвом состоянии) и хромоног (один из своих эксклюзивных, кованных на заказ дисков Стас сломал, с разгона влетев колесом в яму, с тех пор одно колесо его машины отличалось от трех остальных).

Стас с удовольствием предвкушал, как найдет какую-нибудь надменную и холодную цыпочку, а потом разведет на секс втроем. Он точно знал, какую девушку ищет. Это должна быть высокомерная, холеная куколка, привыкшая отдаваться только после предварительных ласк бумажника своего нового ухажера. Стас обожал таких девушек, потому что они «знали себе цену», то есть были чуть менее доступны, чем все остальные. Соблазнить такую девушку, не потратив при этом ни копейки и не пообещав абсолютно ничего, – вот это по его меркам был вызов!

Увы, стоило ему переступить порог клуба, как его остроумные планы начали рушиться. Все особы женского пола в радиусе двух метров немедленно впились в него вожделенными взглядами. Стас даже запаниковал: да что с ними со всеми такое?! Мужчин испокон веков все считали охотниками. И Стасу тоже очень хотелось хотя бы разок ощутить себя охотником, но его трижды проклятая безупречная внешность не предоставляла такой возможности. Девушек тянуло к нему как магнитом (хотя он делал все от него зависящее, чтобы хоть чуть-чуть подпортить себя: носил дешевую мешковатую одежду, коротко стригся, отращивал колючую щетину). Похоже, это не помогало. Пробираясь к барной стойке Стас в который раз ощутил себя жертвой навязчивого женского внимания.

Он сосредоточился на поиске подходящей девушки. И довольно скоро обнаружил идеальную особь!

Это была высокая, по-модельному худая блондинка с бронзовой кожей и имплантатами во всех необходимых местах: груди, заднице, скулах, губах. Одета не слишком вульгарно, никаких излишеств в косметике или украшениях. Он хорошо знал такой типаж. Девушки этого сорта обычно очень стараются продемонстрировать, что они не «какие-то дешевки в кричащих тряпках», они «стоящие девушки», которые знают себе цену и никогда не будут бегать за мужиками. На лице красотки застыло выражение непрошибаемого высокомерия, она оглядывала танцпол со смесью презрения и брезгливости. Стас решил, что это как раз то, что ему сегодня нужно.

– Привет, – он непринужденно подсел к девушке. – Ты меня заинтересовала.

– Да неужели? – попыталась примерить саркастический тон блондинка, хотя по ее на секунду расширившимся зрачкам можно было понять, что его внешность произвела на нее должное впечатление.

– Да, – как ни в чем не бывало отозвался Стас, лениво потягивая коктейль, который не нравился ему на вкус, зато колоритно смотрелся в руках. – Твой взгляд меня заинтриговал. Ты очень пронзительно смотришь на людей. У тебя глаза оценщика в ломбарде. Такое впечатление, что ты насквозь видишь, кто из присутствующих сколько стоит.

– Я что, должна расценить это как комплимент? – хмыкнула белокурая нимфа, но встретившись со Стасом взглядом, не смогла сдержать улыбки. И уголки ее коллагеновых губ предательски дрогнули.

– Просто мысли вслух, – пожал плечами Стас. – Может, я в тебе и ошибся. Может, ты просто кажешься пронзительной, а на самом деле круглая дура, которая в людях смыслит не больше, чем доярка в бриллиантах. – От столь нелестного сравнения брови девушки мигом сошлись на переносице, Стасу показалось, что еще немного и она несколько раз с размаху хорошенько приложит его лицом к своей силиконовой груди.

– Сыграем в игру, – быстро предложил он, обворожительно играя ямочками на щеках, чтобы вернуть беседу в нужное русло.

– Какую еще игру? – насторожилась девушка, видимо, в глубине души готовая к любым предложениям, от пресловутой бутылочки до покера на раздевание.

– Давай, оцени кого-нибудь из присутствующих в зале. Дай полную характеристику: доходы, семейный статус, сексуальные предпочтения, машина и так далее. Посмотрим, насколько ты точна в своих суждениях.

Блондинка улыбнулась немного неуверенно, надменность и спесь потихоньку начали испаряться с ее тюнингованного лица, черты смягчились.

– Ну а как же мы проверим, угадала я или нет? – спросила она, томно улыбаясь.

– Я подойду и спрошу.

– Нет уж, спасибо, ты мне так всех потенциальных жертв распугаешь, – быстро выпалила блондинка и тут же осеклась. – Я хотела сказать... я имела в виду...

Стас понимающе улыбнулся и ободряюще похлопал ее по плечу:

– Да я понял.

– Не то чтобы я была одной из тех телочек в жестком поиске перспективного партнера, просто...

– Да я понимаю, можешь не объяснять, – совершенно искренне заметил Стас. – Мужики так часто ссылаются на биологию и законы Дарвина. Мол, я полигамен по природе своей, так было генетически заложено. Ну и все в таком роде. Так вот девушки точно так же подчиняются закону биологии, а следовательно, ищут себе наиболее сильного самца. Так уж вышло, что в наше время наиболее сильными, способными обеспечить самое жизнеспособное потомство являются олигархи. Так чего тут стесняться? Это же вполне естественное желание для девушки, ты не находишь? Так зачем стыдиться того, что ты хочешь быть с материально обеспеченным партнером?

Блондинка взволнованно облизала губы. Ее демонстративная томность сменилась искренней заинтересованностью. Она непроизвольно подалась вперед и удивленно спросила:

– Ты правда так считаешь?

– Конечно. Ведь если хорошенько подумать, то так оно на самом деле и есть, – невозмутимо пожал плечами Стас, и, допив свой коктейль, с облегчением поставил стакан на столик. – Ну так что, будем играть?

Глаза девушки загорелись, она азартно заулыбалась:

– Давай я буду рассказывать все про тебя. Так мы легко проверим, угадываю я или нет.

– Договорились.

Блондинка просканировала его внимательным взглядом:

– Итак, ты состоятелен, но не олигарх. Наверное, недавно начал свой бизнес, и дела внезапно пошли в гору. Ездишь... на новеньком четвертом Golf, хотя нет... на Jette... впрочем, нет! – Блондинка сосредоточенно нахмурилась, видимо, пытаюсь мысленно что-то сопоставить, наконец, сдавшись, призналась: – Насчет машины точно сказать не могу. Судя по одежде и возрасту, ты не можешь себе позволить что-то дороже пятидесяти тысяч долларов, но я почему-то не могу тебя представить на чем-то дешевле, чем Porsche.

«Надо же, почти угадала», – мысленно удивился Стас. А еще говорят, что во время общего наркоза отмирают клетки мозга. Может, во время пластических операций девушка и потеряла энное количество мозговых клеток, но интуиция у нее была неплохая.

– Ты не женат. И постоянной девушки у тебя нет, – между тем продолжила девушка. – Ты часто меняешь девушек, но не потому, что ты по натуре ловелас и не для того, чтобы поддерживать репутацию. Просто ты ищешь что-то особенное.

В ответ на последнее умозаключение Стас чуть не фыркнул. Он часто менял девушек потому, что ему было скучно. Он ничего не искал. И уж, конечно, не верил, что в этой бесконечной веренице цыпочек ему может попасться что-то особенное. Да и что вообще такое «особенная девушка»? Стас не знал и знать не хотел. Все его знакомые, находившие «особенных» девушек и влюблявшиеся в них, на его взгляд, просто слетали с катушек.

А Стас с изумлением наблюдал за диким поведением своих некогда адекватных друзей и недоумевал. Почему они так страстно ловят каждое слово своих пассий (пусть даже пассия несла полную ахиною)? Со стороны любовь выглядела для Стаса так, словно человек подсел на особо забористый наркотик. Вот только кайф от него был куда менее продолжительным и едва ли стоил всех побочных эффектов...

Отвлечись на свои мысли, Стас прослушал значительную часть блондинистых рассуждений. Кажется, теперь белокурая красотка во всех деталях описывала, какая именно девушка ему нужна.

– ...необычайно красивая, выделяющаяся из толпы, загадочная, знающая себе цену...

Стас снова отвлекся. Он уже понял, что блондинка не слишком изящно пытается предложить ему свою кандидатуру, расписывая свои мнимые достоинства. Ему стало скучно. Пора прикрывать эту лавчонку, добивать ее и двигать дальше.

– Ну как? Я угадала? – Блондинка придвинулась к нему еще ближе, ее огромные перламутрово-розовые губы маячили в каком-то сантиметре от его лица.

– Да... попала прямо в десятку, – медленно улыбаясь, ответил Стас, награждая ее своим фирменным раздевающим взглядом, от которого у девушек обычно намокали трусики. – Сделаешь мне одно одолжение? – спросил он.

– Конечно... почему бы и нет? – По учащенному дыханию блондинки на его шее Стас с тоской осознал, что она уже давно готова сделать ему не только одолжение, но и минет.

– Пожалуйста, не давай мне сегодня, – попросил Стас, обворожительно улыбаясь. Блондинка прыснула от смеха.

– Я серьезно. Можешь продержаться хотя бы сегодняшнюю ночь? Очень тебя прошу, не занимайся со мной сексом! Даже если я буду тебя уламывать, просто не соглашайся, хорошо? Делай все, что хочешь, только не давай мне тебя трахнуть. Договорились?

– Как тебя зовут, красавчик? – призывно осведомилась блондинка.

– Стас.

– А я Анжела.

– Круто. Так что, я могу считать, что мы договорились?

– Там видно будет, – игриво приподняла брови Анжела.

– Поедем отсюда?

– Конечно.

– Но ты ведь помнишь о своем обещании? Ты не перспишь со мной сегодня?

– Посмотрю на твое поведение...

Ближе к утру, когда Анжела все-таки дала ему (да еще с каким рвением!), Стас недоумевал, почему ему удалось развести ее так легко.

* * *

Лишь спустя пару лет, когда он начнет профессионально изучать психологию, техники манипуляций и заниматься аддиктингом, Стас узнает, что человеческий мозг не воспринимает отрицательную частицу «не». Стоит вам сказать курильщику: «Не кури», как он немедленно загорится непреодолимым желанием закурить. Потому что его воображение тут же рисует ему дымящуюся сигарету, а отрицательная частица «не» воспринимается как обычная звуковая помеха. Вот почему блондинка из клуба так отчаянно рвалась соблазнить его в ту ночь. Ведь, сказав ей «не занимайся со мной сексом», он фактически задал ей прямо противоположную установку. Занимайся со мной сексом! Занимайся со мной сексом! Занимайся со мной сексом! Собственно этим они и занялись... но после того, как пополнили свои ряды еще одной блондинкой из микрорайона...

* * *

Как вы уже поняли, Стас обладал всем необходимым, чтобы вращаться и блистать в vip-кругах. Обладал всем, кроме желания делать это и играть по правилам «тусовки»! Элитность и пафос приелись ему еще в старших классах. На первом курсе журфака МГУ он вдруг отчетливо понял, что его безумно раздражают все фетиши их скудного и скучного vip-мирка. Bentley – тоска. Кокаин – предсказуемо. Клубы – монотонно. Лейблы – дешево. Понты – просто смешно. Реальность богатых и знаменитых казалась ему ничтожной и однообразной. Стас поражался, что никто, кроме него, этого не видит. Ему стало скучно. Вот тогда он и обнаружил для себя совершенно другой мир...

Это знаменательное открытие произошло совершенно случайно. В универе, куда Стас время от времени забегал, им дали задание: провести журналистское расследование на свободную тему. Вообще-то, Стас не отличался особым прилежанием, да и на журфак поступил только потому, что был наслышан о халявной учебе на данном факультете. Но поскольку делать особо было нечего, он решил взяться за расследование. Большинство его одногруппников «исследовали» давно знакомые и обмусоленные до дыр реалии: пластическая хирургия, шопоголизм, ночная жизнь. Стас решил отталкиваться от чего-то прямо противоположного. Так и родилась идея сделать журналистское расследование на тему «незолотой молодежи». Стасу стало до смерти любопытно, как живут люди за пределами Садового кольца? Что происходит в микрорайонах и как развлекаются тамошние обитатели?

Реальность потрясла и поразила его воображение. Выходцы микрорайонов покорили своей прямоотой, простотой и незамысловатостью. Они жили бурно, отвязно, отчаянно. Так, словно каждый прожитый день может стать последним (как впоследствии выяснилось, порой действительно так бывало). Они грубовато и немного неуклюже (однако Стаса умиляла эта неуклюжесть) разводили местных девушек на секс. Они лихо пили водку и пиво. Они употребляли такие наркотики, о которых в его тусовке и слыхом не слыхивали. Они выясняли отношения часто, бурно, но от души.

О будущем здесь говорили крайне редко и еще реже задумывались. Настоящий момент волновал и интересовал куда сильнее. Большинство насущных проблем сводилось к одной-единственной: ГДЕ ДОСТАТЬ БАБЛА?!

Стас легко вошел в компанию. В первую очередь благодаря тому, что он был вождь-ленным решением извечной проблемы. Однако, будучи от природы человеком харизматичным и обаятельным, довольно скоро перестал быть простым спонсором, перейдя в категорию полноправного члена тусовки.

В микрорайоне он проводил теперь больше времени, чем в цивилизованном мире, успев стать в компании своим в доску. Надо признать, местные наркотики сыграли в частоте его визитов немаловажную роль... Однако сегодня он приехал сюда за несколько другим кайфом.

К тому моменту, как Стас прикатил на своем битом Сауеппе в Марьино (его самый любимый и самый отвязный во всей Москве микрорайон), блондинка Анжела уже была пьяна от крепких коктейлей и его сексуальности и готова на все.

– А ты уверен, что нам нужна еще одна девушка? – промурлыкала она, эротично щурясь на него с пассажирского сиденья Porsche и поигрывая ляжкой своего топа.

– Абсолютно, – невозмутимо отрезал Стас, игнорируя ее сексуальные манипуляции и внимательно следя за дорогой.

– Зачем? Тебе что, меня одной мало? – спросила Анжела вроде бы игриво, но Стас все равно уловил в ее голосе собственнические нотки.

Он тут же поскуchnел. Ее внешность, поведение, а теперь и вопросы были настолько заурядны и предсказуемы. Сколько раз он уже слышал эти женские тирады? Неужели это все, из чего будет состоять его жизнь? И как отвечать на подобные банальности?

Ира была симпатичной агрессивно-сексуальной волчицей, всю свою жизнь прожившей в микрорайоне. У нее был жесткий взгляд, жесткие осветленные волосы до плеч, и мягкая грудь третьего размера (без всяких силиконовых наполнителей). Ее стандартный образ дополнял громкий голос с легким говором и заразительный смех. Она была компанейская, популярная в тусовке и общительная. Они периодически случайно встречались на районе. И стоило Стасу с ней поздороваться, как она обязательно отпускала в его адрес какой-нибудь недвусмысленный намек. Вот и сейчас, окликнув ее, Стас ничуть не удивился, когда Ира вместо ритуального «как дела» спросила более привычное для нее:

– Когда меня трахнешь?

На что Стас совершенно искренне ответил:

– Ну давай сейчас, что ли...

* * *

Одиночество – дерьмовое состояние. Особенно, если оно накрыло тебя в постели с двумя блондинками. Не прошло и получаса, как Стас затащил к себе в квартиру двух цыпочек из разных социальных слоев, а ему уже было скучно...

Несмотря на гигантскую пропасть в доходах, амбициях и образе жизни, девушки оказались абсолютно одноформатными! словно их лепили из одного теста.

– Симпатичное гнездышко, – заметила Анжела, по-хозяйски царственной походкой прогуливаясь по его девяностометровой квартире.

Стас посмотрел на нее как на полоумную: его квартира была похожа на мусорную свалку. Все кресла и диваны были погребены под горами его одежды, кухня была совершенно разгромлена после вчерашней пьянки, кровать он вообще никогда принципиально не заправлял. Единственное, что в его квартире было сейчас по-настоящему привлекательным, – это ее адрес: Стас жил на Чистопрудном бульваре и не перебрался бы из этого района ни за какие сокровища мира. Для него это был самый прекрасный уголок во всей Москве

(на втором месте в рейтинге его симпатий шел Марьинский причал, где они с приятелями проводили незабываемые минуты, раскуриваясь до потери пульса).

– У тебя тут такая возбуждающая атмосфера. Обожаю эротичный полумрак, – продолжила Анжела и легким движением плеча освободилась от шелкового топа, который изящно скользнул по ее роскошному пластмассовому телу и, на секунду зацепившись за огромные коричневые торчащие соски, упал на пол.

– Да, здесь прикольно, – согласилась Ира, деловито расстегивая джинсы. Она метнула на Анжелу снисходительный взгляд. Идея секса на троих ей сразу понравилась – Ира не боялась состязаться. И сейчас с наслаждением предвкушала, как «сделает» эту надменную богатенькую сучку. В этом смысле она была типичной девчонкой из микрорайона, чья очаровательная самоуверенность нашептывает им, что «простые» девушки вроде нее на самом деле куда круче всех этих «тюнингованных», приглауренных цыпочек. В глубине души Ира была уверена, что она и ей подобные заслуживают таких шикарных парней, как Стас, куда больше, просто им слишком редко выпадает шанс показать себя во всей красе. И сегодня Ира была полна решимости воспользоваться своим шансом.

Подогреваемая классово-ненавистью (которая почему-то тем не менее не распространялась на самого Стаса), Ира решительно скинула остатки одежды, быстро избавилась от белья (хлопковый комплект в красный горох был отнюдь не предназначен для изощренных сексуальных утех, а потому она предпочла остаться совсем нагишом, тем более что ее натуральная грудь была куда более лакомой, чем волейбольные мячи этой мажорки).

Анжела между тем устало закатывала глаза и раздевалась подчеркнуто томно и не спеша. Она была не в восторге от происходящего, но девушка впервые за свою жизнь встретила мужчину, который не осуждал женщин за тягу к богатству и богачам. Большинство ее бывших любовников содержали ее и не скупилась на дорогие подарки (она всегда гордилась тем, что ни одной операции не сделала за свой счет). Однако нельзя было отрицать, что, давая ей деньги, любовники держались с ощутимым превосходством и легким презрением. Она кожей чувствовала их осуждение. Конечно, ничего подобного вслух не произносилось, но им обоим было ясно, что, не будь мужчина богат, Анжела бы, вероятно, не потратила на него ни секунды своего времени. И этого ей, похоже, не мог простить ни один любовник. О чем они постоянно забывали, так это о том, что если бы Анжела не была красива и сексуальна, обеспеченные мужчины бы тоже вряд ли баловали ее своим вниманием...

Стас по-настоящему зацепил Анжелу. У нее так редко бывал хороший секс, что с ним бы она переспала, даже если бы у него не было Porsche и квартиры в центре Москвы. Однако помимо сногшибательной внешности ее привлек его легкий нрав и жизнерадостный характер. С таким парнем она могла бы быть по-настоящему счастлива очень долго. Возможно, не всю жизнь (Анжела была слишком пьяна, чтобы пытаться оценить столь долгосрочные перспективы), но дольше, чем одну ночь, – это факт!

План Анжелы был прост: захомутать Стаса любой ценой. И если для этого потребуется принять участие в сексе на пару с какой-то непромытой шваброй из трущоб, что ж, оно того стоило...

Анжела подошла к Стасу, который понуро сидел на кровати с отсутствующим взглядом, обхватив голову руками. По его лицу любой наблюдательный человек с легкостью бы понял, что Стас не только не понимает, зачем он все это замутил, но и мечтает сбежать. Однако девушки с обостренным чувством вожделения особой наблюдательностью не отличаются. Ира и Анжела молча переглянулись и синхронно уселись с двух сторон от Стаса. Ира вознамерилась действовать решительно, а потому сразу положила руку на его ширинку. Анжела не хотела выглядеть дешевой, а потому обхватила губами мочку его уха. Стас почувствовал себя в ловушке. Какого черта он все это затеял? Формально обе девушки были

хороши собой и аппетитны, но он не хотел ни одну ни вторую и теперь мучительно соображал, как бы поскорее выставить их из квартиры.

Пока девушки терлись об него и старательно разыгрывали спектакль двух секс-бомб, Стас закурил сигарету и задумался. Всю жизнь его окружали телки: красивые, умные, сексуальные, стильные, веселые, понимающие, готовые на все. И все они были бесконечно навязчивы. А он, будучи от природы человеком вежливым и тактичным, считал своим долгом трахнуть каждую из них, чтобы никто не остался разочарованным. Вот так вечно и получалось, что телки всегда оставались довольны.

Стас был из тех мужчин, для которых главное в сексе – не собственное удовольствие, а удовольствие женщины. А потому каждый раз в постели он выкладывался на все сто, полностью концентрируясь на партнерше. Иногда его стремление к совершенству доходило чуть ли не до навязчивого состояния. В эти дни он как одержимый прокручивал в памяти прошлые ночи, анализируя, что бы он мог сделать еще лучше. По большому счету, его старания окупались. В постели он превосходил все женские ожидания, и только его ожидания вечно оставались неоправданными.

Стас бросил унылый взгляд на своих сегодняшних подружек и с тоской осознал, что никакого желанья продемонстрировать этим кошелкам свое сексуальное мастерство у него нет и, видимо, сегодня уже не будет...

– Эй, красавчик, ты собираешься раздеваться? – спросила Анжела. И раздосадованный Стас уже хотел было издевательски ответить «нет, конечно», но тут раздался спасительный звонок его мобильного.

Стас кинулся к телефону с такой резвой прытью, как будто от этого звонка зависела вся его жизнь (как выяснилось позже, так оно и было).

– Здорово, чухан, – раздался голос на другом конце трубки.

Это был Пурген – один из микрорайоновских корешей Стаса.

– Че делаешь?

– Да так, ничего особенного, – дипломатично ответил Стас, хотя на самом деле собирался сказать «херней маюсь». Впрочем, ему не хотелось усугублять разочарование блондинок, которых и так, судя по всему, ждал грандиозный облом от сегодняшней ночи.

– А мы тут мутить собираемся...

От этих сладких слов у Стаса невольно участилось сердцебиение. Он не считал себя наркоманом, хотя последние полгода стабильно «мутил» со своими приятелями из микрорайона не реже раза в неделю.

Если в плане девушек Стас был непостоянен и полигамен, то в плане наркотиков он был классическим однолюбом и употреблял только «винт», или, как они это называли между собой, «яблочки» – из-за специфического вкуса и запаха.

Странное дело: тем, кто не винтился, этот запах казался отвратительной химической вонью с тонкими нотами ацетона, кислоты и бензина. У тех же, кто познал радость завинченного состояния, знакомый аромат ассоциировался с прокисшим яблочным соусом...

Как бы то ни было, Стас полюбил «яблочки» с первого глотка. Впрочем, он довольно быстро перестал пить винт, заподозрив, что дикий коктейль со вкусом прокисшего яблочного сока, для изготовления которого использовались йод, бензин, ацетон, толченые таблетки, красный фосфор и еще хрен знает какая химическая дрянь, едва ли полезен для пищеварения. В целях заботы о собственном здоровье Стас начал пускать винт по вене и моментально ощутил разницу...

С тех пор Стас постоянно твердил всем заинтересованным и не очень лицам, что между пить и колоться такая же пропасть, как между сексом в презервативе и без!

Винт в отличие от любых других наркотиков казался ему изысканным зельем для настоящих гурманов. Процесс приготовления «яблочек» занимал от нескольких часов до

суток и требовал невероятного мастерства. Зато и эффект превосходил все ожидания: двадцать минут чистого оргазма, а потом еще шесть-семь часов кристаллизованного, ничем не омраченного счастья...

Главное, что никаких особых побочных эффектов Стас не ощущал. Ну разве что не мог есть и спать потом в течение суток-других. И вообще пару дней слонялся по квартире, не находя себе места и чувствуя себя каким-то потерянным. Но это казалось ему даже полезным для организма, ведь даже помешанные на здоровом образе жизни телки время от времени устраивали себе разгрузочные дни. Так что Стас считал свои отходняки «просто разгрузочными днями». Ему казалось, что винт не вызывает привыкания (еще бы, ведь его совсем не ломало!). И тем не менее проходило несколько дней, и он снова ощущал потребность закрутиться и испытать знакомые ощущения. В отличие от большинства знакомых, он не сходил с ума в промежутках между «замутами». Но тем не менее ждал следующего раза с тем радостным предвкушением, с которым работяги, трудящиеся в офисе с девяти до семи, ждут выходных.

Стасу не приходило в голову, что это и есть самый настоящий флэш-бэк. Ему-то казалось, что это просто легкая ностальгия.

Более того, когда его пафосные друзья предлагали ему разнюхаться, он презрительно отказывался, утверждая, что кокаин – «шняга для богатеньких сосунков» (сам он категорически не хотел причислять себя к данной категории). Стас чувствовал огромное моральное превосходство, когда вот так в легкую отказывался от кокса. Ведь раз он мог отказаться от кокса, значит, у него все под контролем...

Стас еще раз мельком глянул на блондинистых голых цыпочек, соблазнительно раскинувшихся у него на кровати:

– Я сейчас к вам приеду, – пообещал он Пургену и нажал отбой...

...Стас открыл глаза и сразу понял, что он не дома...

Вместо привычного бардака и сумерек его комнаты вокруг были грязно-белые стены, а вместо темно-синего атласного постельного белья – жесткое белое с квадратным штампом...

Как ни странно, он прекрасно помнил, что с ним случилось. Он помнил, как выпроводил блондинок, сославшись на неотложные дела. Помнил, как созвонился с корешами и спросил, где они стрелкуются, а потом долго блуждал в районе площади Ильича пытаясь найти нужный дом. Помнил, как они варили винт и как Толстый, тщательно раскатывая таблетки бутылкой, раздавил ее и распорол себе ладонь. Забавное дело: хотя порез был глубоким, а кровь хлестала, как в дрянном фильме ужасов, Толстый наотрез отказался ехать в травмпункт, просто замотав ладонь полотенцем и продолжив начатое.

Еще Стас вспомнил, как они спорили из-за дозы. Все говорили ему, что получилась забористая штука и одного куба хватит за глаза, но он упирался, доказывая, что этого будет мало и нужно хотя бы полтора. По опыту он знал, что если изначально поставит себе слишком мало, то приход будет слабеньким, а догоняться будет бессмысленно.

Когда он наконец бахнулся, на несколько мгновений ему показалось, что сердце не выдержит. Оно колотилось о грудную клетку так сильно, что у него все поплыло перед глазами. Тело горело, волосы встали дыбом. Его бросило в жар. За полминуты он пропотел сильнее, чем за полчаса проведенных в сауне.

Но уже в следующее мгновение он расслабился и ощутил мощнейший в своей жизни приход.

Следующие несколько часов они провели, играя в «штуку». Причем Стасу абсолютно не шла карта, но прекратить игру он не мог, потому что, войдя в раж, был уверен, что «вот сейчас-то ему точно повезет».

Часов пять спустя их азартную, исполненную химического энтузиазма игру прервал неожиданный гость.

Андрюха по кличке Чибис ввалился с боксом плана и упаковкой пива, предлагая всем напиться и раскуриться. С тем же успехом он мог бы предложить владельцу Maybach прокатиться на отличной новенькой «Ладе Калине». Разумеется, его послали подальше. Тогда обиженный Андрюха уселся в уголке и раскурился единолично. А уже через полчаса стал главным аниматором вечеринки, ежеминутно отмачивая дебильные приколы.

Чуть позже (к тому моменту они уже успели основательно потеряться во времени) кого-то осенила гениальная мысль, что пора бы догнаться. И они догнались. При этом Стас повысил дозу до двух кубов, и его штырило так, что на несколько секунд показалось, будто он умирает. Впрочем, даже это не испортило Стасу настроения.

А потом кто-то предложил мотнуться в Питер. И поскольку других дел на тот момент у них все равно не было, они загрузились в две машины (стасовский Cayenne и Андрюхину раздолбанную «восьмерку»). Стас почему-то не сел за руль, решив уступить водительское место Михану, который не только глушил пиво из горла дешевой полторашки, ничуть при этом не пьянея, но и не имел прав. (Менты отобрали их пару месяцев назад за вождение в нетрезвом виде.) Стасу казалось разумным и логичным пустить за руль именно Миху. Ведь если их остановят, то отобрать у Михи будет уже нечего...

Сначала дорога подействовала на Стаса умиротворяюще. Он умильно пялился в окно и размышлял о том, какая же у него офигенная жизнь, какие офигенные друзья и какая офигенная машина. Все вокруг казалось совершенным, даже вмятины на кузове его Porsche...

Однако пару часов спустя он обнаружил, что его отпускает. Всех, кроме него, похоже, по-прежнему тащило в полный рост, и только он больше не ощущал ни эйфории, ни всеобъемлющего человеколюбия, ни совершенства мира, ни хрена! Тогда Стас начал агитировать всех за то, чтобы догнаться. Его никто особенно не поддержал. Всеобщее внимание было сосредоточено на Коляне, который в очередной раз снимал штаны, трусы и показывал голую задницу дальнобойщикам. Но Стас не унимался. Он полчаса требовал остановиться и «бахнуться».

Наконец они въехали в какой-то город (какой именно, они так и не поняли, потому что пролетели мимо таблички с надписью со скоростью сто восемьдесят километров в час). Тогда Михан наконец сбросил газ и объявил, что надо заехать за пивом, а заодно подождать Андрюху (чья старенькая дребезжащая восьмерка отстала от них еще в районе Зеленограда). Все поддержали эту идею.

В супермаркете помимо упаковки пива Колян купил маску и игрушечный автомат. Шутка с голой задницей ему наконец надоела, и он решил разнообразить свой репертуар, «стреляя» из игрушечного автомата в прохожих.

Они уже собирались ехать дальше (до Питера оставалось еще часов шесть-семь), когда Стас объявил, что с места не сойдет, пока не догонится. В конце концов ему дали баян. Правда, опять долго спорили, сколько ставить:

– А я говорю, ставь ему два с половиной.

– А я говорю – два и семь!

Стас решил эти споры просто: потребовал, чтобы ставили сразу три куба – чего мелочиться? Ему не хотелось, чтобы его опять отпустило в самый разгар дороги.

Он понял, что совершил ошибку, еще до того, как успел вогнать все три куба в вену. В глазах потемнело, сознание помутилось. Его голову словно зажали в тиски, а сердце билось во всем теле. Стас весь покрылся испариной и почувствовал, что стремительно падает в

очень глубокую темную яму. Ему даже показалось, что яму очень быстро закапывают прямо у него над головой. Он хотел выплюнуть землю, попавшую в рот, но горло перехватил спазм, и он понял, что не может дышать. Последнее, о чем он подумал перед тем, как окончательно отключиться: «Ну что ж, отличный конец!»

Глава 2

Если ты девушка и живешь в небольшом провинциальном городке, тебя всю жизнь мучает один глобальный вопрос. Ты можешь никогда не произносить его вслух, можешь никому, даже самой себе, не признаваться в том, что думаешь об этом. И тем не менее время от времени ты невольно будешь спрашивать себя: неужели это все, чего я заслуживаю? Неужели я проведу здесь всю свою жизнь, так и не узнав, каково это – лететь на Mercedes SLR по ночному МКАДу? Каково получить в подарок часики, усыпанные бриллиантами? Каково носить туфли из кожи питона (и не раз в год по праздникам, а каждый день, так, будто это нечто само собой разумеющееся!)? Каково жить с мужчиной, который может купить тебе огромный дом в любой части света?

Ты стараешься быть реалисткой и мыслить рационально. Ты говоришь себе, что все это сказки, рекламные манипуляции глянцевого журнала и не более того. Ты уверена: все олигархи – просто наглые, самовлюбленные эксплуататоры, и среди них нет ни одного даже самого завалющего принца. Ты думаешь, что пора завязывать с этими нелепыми мечтами о сладкой жизни, ведь ты не из тех, кто продается! Однако уже через пару дней, натываясь на очередной репортаж о вечеринке на яхте у миллионера, ты оглядываешься вокруг и вновь начинаешь изводить себя вопросом: неужели это все, чего я достойна? Ты сравниваешь себя со светскими львицами и думаешь о том, что твои внешние данные ничуть не хуже (а то и лучше, чем у них). Тебе бы их деньги, ты бы в миг преобразилась, заботливо сдобрив свою природную красоту легким дизайнерско-косметическим лоском...

Ты вовсе не меркантильна! И отнюдь не стремишься жить с нелюбимым ради денег. Просто так хотелось бы полюбить кого-то успешного! Того, кто в жизни состоялся. Того, кем ты сможешь гордиться. Того, на кого захочешь равняться и с кого брать пример. Того, у кого ты сможешь кое-чему научиться.

Наивные олигархи думают, что девушки мечтают о них в силу своей корыстности или порочной, но такой по-человечески понятной любви к халяве. На самом деле большинство девушек грезит о богатом любовнике лишь потому, что зависят от общественного мнения...

Ведь, как ни крути, женщину в нашем обществе оценивают по тому, с кем она спит. И если ты спишь с человеком сильным и могущественным, властным и обеспеченным, все вокруг скажут: «Надо же, он везде побывал, все попробовал и все повидал, но выбрал именно ее. Наверное, в ней есть что-то особенное». А если все вокруг будут считать тебя особенной, то, возможно, ты и сама почувствуешь себя таковой. И это волшебное ощущение еще долго будет согревать твое сердце. Ведь ты наконец получишь ответ на вопрос: чего ты стоишь...

* * *

В тот теплый апрельский день все амбициозные невесты маленького провинциального городка, где жила Даша, получили сногшибательную возможность. По городу быстро распространялась и набирала обороты новая сплетня: в областную больницу с передозировкой доставили красавчика-москвича.

– Нет, он не наркоман... ну, может, что-то такое и было, но сейчас-то он точно в завязке, проходит курс лечения.

– Да, он точно москвич, прописан в самом центре.

– Нет, он действительно красавчик: высокий, широкоплечий, мускулистый, с темными, почти черными волосами, светло-серыми глазами и ямочками на щеках.

– Насколько он богат? Видимо, очень богат, потому что в его бумажнике нашли не только кучу кредиток, но и документы на Porsche Cayenne.

– Вы не знаете, что такое Porsche Cayenne? Дорогуший спортивный джип! Сто тысяч долларов стоит, не меньше!

– Нет, он не старик. Ему на вид лет двадцать с небольшим.

– Нет, он не засранец и не козел, очень приятный парень. Все медсестры от него тащатся. Он такой веселый, обаятельный. С тех пор как поступил в больницу и пришел в себя, он смешит все отделение.

Даша была одной из первых, кто узнал о грандиозном пациенте, который буквально за сутки превратился в живую легенду и самого популярного персонажа сначала в больнице, а потом и за ее пределами. Когда она пришла на свою очередную смену, все медсестры и санитарки буквально слетели с катушек. Забыв обо всех должностных обязанностях (кроме тех, что позволяли им лишний раз зайти к Стасу в палату), они страстно и неумолимо перемывали косточки красавчику-москвичу, делаясь известными сведениями о нем и прикидывая свои шансы на завоевание его сердца.

– Я зашла к нему в палату давление померить, так он, представляете, хотел мне чаевые дать сто долларов. Я, естественно, отказалась. Не хочу показаться продажной дешевкой. Тем более, по-моему, он на меня запал.

– Да, точно, все эти олигархи немножко тронутые. Им кажется, что каждая телка их хочет на деньги развести. Так что главное – дать ему понять, что тебе от него нужно кое-что другое.

– Мне от него и правда нужно кое-что другое... Вы видели, какой у него торс? А бицепсы?! Он так эротично усмехается одним уголком губ... блин... обалденный парень...

– Видели его машину? Помятая, конечно, но сразу видно, что очень дорогая.

Даша закатила глаза и вышла из сестринской. Она еще не видела пациента, но уже ничего хорошего от него не ждала. Судя по всему, тот еще засранец, при деньгах, охмуряющий всех подряд ради самоутверждения... Поразительно, как неглупые, в общем-то, женщины могут вестись на таких типов. Хотя, понятное дело, каждая более-менее самоуверенная цыпочка мечтает захомотать настоящего мачо и сердцееда, доказав тем самым всем вокруг (но в первую очередь самой себе), что полигамных мужчин не бывает, бывают только недостаточно мудрые женщины.

В течение следующей пары дней Даша с недоумением наблюдала, как сестринская стремительно превращается в филиал салона красоты. Все женское население клиники от юных практиканток из медакадемии до почтенных матрон за сорок вдруг резко начало наводить красоту. Тишину коридоров наводняло цоканье высоких каблуков, из сестринской по всей больнице, заглушая привычную вонь лекарств, теперь разносились запахи лаков, парфюмов, гелей для укладки волос и всевозможных кремов. Белые форменные халаты теперь едва сходились на приподнятых особыми лифчиками грудях медработниц. Разговоры о сексуальном пациенте не утихали ни на миг. Медсестры яростно конкурировали друг с другом, борясь за право зайти к нему в палату. А выйдя от Стаса, спешили поделиться своими успехами:

– Он на меня так двусмысленно посмотрел.

– Он мне анекдот рассказал.

– Он сказал, что у меня симпатичные вены на руках.

Все сходились во мнении, что Стас забавный, общительный и вообще просто душка. Однако похвастаться симпатией красавчика, выходящей за рамки взаимоотношений медик – пациент, не могла ни одна...

Даша поняла, что молва о Стасе вышла за пределы клиники, когда к ней в больницу наведальсь сестры. Олеся с Кариной пришли «навестить папу»...

– У него сегодня все утро операции, – отрезала Даша насмешливо. – Увидите папу вечером дома за ужином.

– Ну тогда мы пока посмотрим больницу, – сладко пропела Олеся так, словно по счастливой случайности забрела в Лувр и в одной из палат рассчитывала увидеть оригинал Джоконды.

– Кстати, где тут платные палаты? – невзначай осведомилась Карина.

– Ну, где бы они ни были, вас туда не пустят, – не без удовольствия заметила Даша. Обычно пациентов, лежащих в отдельной платной палате, можно было свободно навещать в любое время. Но поскольку Стас был неместным и навещать его было некому, кроме, разумеется, толпы сексуально озабоченных девушек, график посещений его палаты отслеживался с особой строгостью.

– Кстати, как вы рассчитывали с ним познакомиться? – с любопытством поинтересовалась Даша. – Надеюсь, вы придумали что-то более оригинальное, чем трюк «извините, кажется, мы ошиблись палатой», потому что он его уже видел и не повелся.

Сестры раздосадованно переглянулись. Видимо, придумать более изощренный способ знакомства было для них непосильной задачей. Как и большинство красавиц, они не могли похвастаться особой изобретательностью или предприимчивостью. Обычно одной их внешности было вполне достаточно, чтобы заинтересовать мужчину, а потому им никогда не приходилось ни с кем знакомиться и они понятия не имели, как нужно брать на себя инициативу и не выглядеть при этом полными дурами.

– Слушай, а одолжи-ка мне свою форму на пятнадцать минут, – вдруг осенило Олеся.

– Единственное, что я могу тебе одолжить, так это полкило извилин в твою пустую голову, – предложила Даша, сопроводив свои слова самой милой и вежливой улыбкой, на которую только была способна.

– Давай я сделаю за тебя всю работу. Могу полы помыть у него в палате. Ну, Даш, ну пожалуйста, – попробовала зайти с другой стороны Карина.

– Помой, – согласилась Даша беззлобно. – Только не в его палате. Потому что там линолеум протерт почти до дыр наивными пупсиками вроде тебя.

– Сука! – прошипела Олеся и, взяв Карину за руку, резко развернулась на каблуках, оставив на полу две черных вмятины.

Они ушли, но буквально через полчаса вернулись с одним медицинским халатом на двоих.

– Мама дала, – объяснила Карина онемевшей от возмущения Даше. – В отличие от тебя, она знает, что такое женская солидарность.

– В отличие от меня, она не знает, что такое клятва Гиппократа, – отрезала Даша. И тут же сама мысленно отругала себя за высокопарность последней фразы. Ей понадобилось огромное самообладание, чтобы скрыть за непроницаемым выражением лица непонятное раздражение, которое одолевало ее с тех пор, как сестры заявили в больницу. Она не могла понять, что именно так ее раздражает: то ли то, что Карина с Олесей собираются прикидываться врачами, то ли то, что, в отличие от всех остальных в этой больнице, у них действительно есть шанс на успех...

Сестры долго разрабатывали свой стратегический план. Они бурно спорили: идти ли им вместе, по очереди и если по очереди, то, в каком порядке? В конце концов, не сумев решить, кому из них выпадет шанс попытать счастья первой, они все-таки пошли вместе. Даша наблюдала, как две одинаковые фигурки сексапильно семят по коридору, потряхивая каштановыми блестящими локонами. У входа в палату Стаса их перехватила старшая медсестра, и Даша уже было надеялась, что все обойдется, но близняшки козырнули именем отца и начали плести какую-то ересь о том, что Стас их давний знакомый...

Не желая пассивно наблюдать весь этот цирк, Даша невозмутимо отвернулась и пошла по своим делам. До конца дня она молча работала, быстро и методично выполняя все поручения. И, поставив личный трудовой рекорд, пораньше ушла с работы. Тем вечером она долго слонялась по набережной, размышляя о своей жизни.

* * *

Утренние пробежки – школа – больница – дом – книги, а потом все по новой. Впервые в жизни Даше показалось, что в ее напряженном графике чего-то не хватает. В уме она мысленно перебирала все известные ей перспективы.

Учеба (скучно). Карьера (пока еще очень далеко). Брачные игры (просто отвратительно). Флирт (синоним глупых ужимок). Секс (средство манипуляции мужчинами). Замужество (тамада, пьяные вопли «горько» и песня «Обручальное кольцо – не простое украшение»). Дети (рановато). Деньги (а зачем?). Тусовки (бесмыслица).

Рассмотрев все возможности от прожигания жизни до ипотеки на квартиру, Даша пришла к выводу, что ничего из перечисленного ее не интересует. Любые из известных ей мещанских ценностей казались тусклыми и унылыми, а о том, что ценности бывают и другими, Даша пока не подозревала...

Когда в девять вечера она наконец вернулась домой, на кухне развернулся настоящий женский саммит. Мама открыла бутылку кофейного ликера и внимательно слушала доклад близняшек о результатах операции «Окрутить москвича». Заглянув в кухню, Даша обнаружила, что Карина надула губы и теперь давит слезу, а Олеся зла, как тысяча чертей.

– Козел! Он ржал над нами. Высмеивал любые уловки, как будто он такой весь из себя неотразимый, а мы какие-то неудавшиеся сельские соблазнительницы.

– Урод! Я спросила, какие девушки ему нравятся, а он мне: «Только не такие, как вы!» Я думала, он шутит, спрашиваю: это еще почему. А он мне: тебе как сказать, честно или вежливо. Я говорю: отвечай честно. И он такой заявляет: вы – пустые, а у меня нет ни сил, ни желания вас наполнять...

Не говоря ни слова, Даша победно прошествовала в свою комнату. Настроение стремительно улучшилось. Жизнь почему-то вновь наполнилась смыслом, показалась захватывающей и увлекательной. Она еще не видела этого москвича, но он ей уже безумно нравился...

На следующий день Даша подскочила в пять утра. Она как обычно бегала по набережной, потом скучала в школе, украдкой читая книгу под партой. Время тянулось чертовски медленно. Не выдержав больше этой пытки, Даша сбежала с последнего урока. В конце концов, когда еще прогуливать, как не в выпускном классе?

Дома никого не было. Отлично! Неискушенной в удовольствиях Даше пустая квартира казалась верхом блаженства. Пройдя в свою комнату, Даша открыла шкаф и вытряхнула все содержимое. У нее была куча абсолютно новой, ни разу не ношеной одежды. Мать постоянно дарила ей шмотки (лелея тщетную надежду, что однажды Даша все-таки захочет заняться своей внешностью и начать эксплуатировать женскую привлекательность). Да и от сестер перепадало немало.

Стоя посреди вороха разноцветного тряпья, Даша чувствовала себя неким гибридом современной Скарлетт О'Хары и провинциальной Кэрри Брэдшоу. Она понятия не имела, с чего это ей вдруг захотелось принарядиться (за последние семнадцать лет столь непристойное желание посещало ее впервые). По идее, она просто собиралась заглянуть в палату к незнакомому пациенту. Со вчерашнего вечера ей безумно хотелось увидеть своими глазами

первого мужчину, отшившего ее безупречных сестер. Едва ли им доведется перемолвиться хотя бы словом. А если и доведется, то что она ему может сказать?

Следующие пятнадцать минут Даша провела перед зеркалом, примеряя то один, то другой наряд. Четверть часа спустя она осознала, что, во-первых, только что установила личный рекорд, ибо раньше так долго разглядывать свое отражение ей еще никогда не доводилось. Во-вторых, Даша вспомнила, что на работе ей полагается носить униформу (не сексуальный белый халатик, интригуяще распахивающийся при стремительной ходьбе по больничным коридорам, а просторный мешковатый костюм, состоящий из штанов и куртки). Как ни странно, от этого у нее моментально полегчало на душе... Вроде как одежный вопрос решился сам собой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.